

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии

О.И. ГОРЮНОВА

ДРЕВНИЕ МОГИЛЬНИКИ ПРИБАЙКАЛЯ
(неолит – бронзовый век)

Ответственный редактор
доктор исторических наук Г.И. Медведев

Издательство Иркутского государственного университета
2002

УДК 903.5(571.53)
Г71
ББК Т4(2Р-4Ир)-431

Представлено к изданию Иркутским государственным
университетом

Г71 **Горюнова О.И.** Древние могильники Прибайкалья
(неолит – бронзовый век). – Иркутск: Изд-во Иркут.
гос. ун-та, 2002. – 84 с.

В монографии подводятся итоги многолетних исследований на могильниках неолита – бронзового века Прибайкалья: Шумилиха, Улярба, Сарминский Мыс. В научный оборот вводятся обобщенные данные по погребальным комплексам, материальной и духовной культуре, проводится анализ серии радиоуглеродных определений. Новые материалы принципиально важны для решения историко-культурных проблем региона.

Книга рассчитана на специалистов-историков, археологов, этнологов, студентов и аспирантов.

ББК Т4(2Р-4Ир)-431

Рецензенты: доктор исторических наук Ю.Ф. Кирюшин
кандидат исторических наук В.М. Ветров

ISBN 5-7430-0135-9

© Горюнова О.И., 2002
© Иркутский государственный
университет, 2002

ВВЕДЕНИЕ

Целью настоящей работы является обобщение и введение в научный оборот материалов могильников периода неолита – бронзового века Прибайкалья: Шумилиха, Улярба и Сарминский Мыс.

Могильники были открыты и исследованы в разные годы второй половины XX века. Самый первый из них - некрополь Улярба, выявлен и частично раскопан Л.П. Зяблиным в 1959 г. (Грязнов, 1960). Громадные коллекции после полевого сезона были сданы на хранение в Государственный Эрмитаж и до сих пор не введены в научный оборот. Из 40 погребений, вскрытых на древнем могильнике за все годы исследования, опубликовано только шесть захоронений, раскопанных в 1976 г. (Смотрова В., Смотрова Г. и др., 1977; Панковская, Смотрова, 1982), и о шести могилах, вскрытых в 1983 г., имеются самые общие сведения относительно их открытия (Смотрова, 1985). Краткому анализу погребальных комплексов могильника Улярба посвящена небольшая статья А.Г. Новикова (1999).

Со дня открытия и начала исследований могильника Шумилиха прошло 30 лет (Лежненко, Михнюк, 1973). За этот период его материалы получили свою известность по серии публикаций (Горюнова, 1974а, 1975; Бронзовый век Приангарья ..., 1981). Являясь одним из крупнейших вскрытых некрополей Прибайкалья (45 погребений), он вызвал большой интерес среди специалистов по бронзовому веку Сибири (Окладников, 1974; Хлобыстин, 1987).

В последующие годы разными экспедициями на древнем могильнике было вскрыто еще 5 захоронений, которым посвящены разрозненные публикации, как правило, тезисного характера (Окладников, Конопацкий, 1984; Фролов, Хамзин, 1987; Бердникова, Ветров, 2000б).

Необычное трупопомещение погребенных – сидя в скорченной позе, характерное для всех половозрастных групп большинства вскрытых на могильнике Шумилиха захоронений, и наличие изделий из бронзы карасукского типа позволили выделить этот комплекс из числа глазковских в шумилихинскую группу позднего бронзового века. А захоронение с трупоположением на спине и оберткой берестой, в сопроводительном инвентаре которого содержался сосуд, украшенный ногтевыми защипами, отнесено к мухорскому комплексу позднего бронзового века (Горюнова, Смотрова, 1981; Горюнова, 1996а).

За последние 20 лет (со дня публикации материалов могильника Шумилиха) на территории Прибайкалья были вскрыты новые захоронения и получены массовые материалы по могильникам неолита и бронзового века: Локомотив, Усть-Ида, Сарминский Мыс, Хужир-Нугэ XIV и др. (Мамонова,

Базалийский, 1991; Тютрин, Базалийский, 1996; Горюнова, 1997; Горюнова, Вебер и др., 1998; Горюнова, Вебер, Ливерсе и др., 1998; Горюнова, Вебер, 2000, 2001). Введены в научный оборот ранее полученные материалы по погребениям и стратифицированным многослойным поселениям Приольхонья (Горюнова, 1984; Горюнова, Воробьева, 1986, 1993; Горюнова, Савельев, 1990; Древности Байкала, 1992). Эти данные позволили по-новому взглянуть на ряд материалов могильника Шумилиха, переосмыслить интерпретацию некоторых погребений и их датирование.

Могильник Сарминский Мыс был открыт в 1985 г. и исследован в течение двух последующих годов (Горюнова, 1987а, 1988). Его материалы отражены в ряде разрозненных публикаций, посвященных отдельным проблемам неолита и бронзового века Приольхонья (Горюнова, 1987б, 1997; Горюнова, Мамонова, 1994; Горюнова, Новиков и др., 1998; Новиков, 1998). Обобщенного издания, полностью характеризующего могильник Сарминский Мыс, в настоящее время не имеется.

В последние годы по погребениям Прибайкалья (включая и могильники, рассматриваемые в данной публикации) были получены серии радиоуглеродных дат (Конопацкий, 1982; Мамонова, Сулержицкий, 1989; Горюнова, 1997; Горюнова, Новиков и др., 1998). Эти определения намного удревняют возраст китойских комплексов и погребений бронзового века Прибайкалья, чем это принято считать (Окладников, 1950б, 1955). В связи с этим возникла необходимость обобщения и анализа всей совокупности данных по наиболее крупным могильникам Прибайкалья, сопоставления их между собой и с материалами стратифицированных (особенно многослойных) поселений, проанализировать соотношение радиоуглеродных дат с определением возраста другими методами наук, переосмыслить интерпретацию и датирование выделенных комплексов.

Цель предлагаемой работы – выделить и суммарно характеризовать погребальные комплексы древних могильников Шумилиха, Улярба и Сарминский Мыс, сравнить их между собой и с ранее известными погребениями, определить датировку и место в периодизации неолита и бронзового века Прибайкалья. В дальнейшем планируется полная публикация материалов могильника Улярба.

Глава I. МОГИЛЬНИК ШУМИЛИХА

1. Общая характеристика

Могильник Шумилиха (старое название Усть-Белая II) - расположен в Усольском районе Иркутской области, в 76 км к СЗ от г. Иркутска (рис.1). Он находится на 4-6-метровой (до заполнения водохранилища) субаэральной поверхности левого берега р. Ангары, в устье р. Белой (выше по течению). Фронт поверхности могильника образован левобережным уступом р. Ангары (Медведев, Слагода, 2001). Протяженность некрополя вдоль берега достигает 1 км (рис.2).

В настоящее время это периодически затапливаемая водами Братского водохранилища поверхность, максимальные отметки которой не превышают 1,8 м над современным урезом воды.

Древний некрополь открыт в 1972 г. разведочным отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (Н.А. Савельев). Аварийно-спасательные раскопки проводились отрядами КАЭ ИГУ в 1972 г. (Лежненко, Михнюк, 1973; Михнюк, Лежненко, 1973) и в 1973 г. (Горюнова, 1974б). За годы исследования вскрыто 45 разновременных погребений, 10 из которых (№ 3, 6, 8, 13, 18, 30-31, 34-35, 44) разрушены водами водохранилища (Бронзовый век Приангарья ..., 1981). В 1977 г. разведочным отрядом экспедиции Института истории, филологии, философии СО АН СССР на могильнике было вскрыто еще 3 погребения: № 1 (1977 г.) – с трупопомещением сидя в скорченной позе, два других – китойские (Окладников, Конопацкий, 1984). В последующие годы могильник периодически посещался отрядами КАЭ ИГУ (Н.Е. Бердникова, В.М. Ветров). В результате было вскрыто 2 погребения: одно (сидячее) в 1986 г., второе (китойское) в 1999 г. (Фролов, Хамзин, 1987; Бердникова, Ветров, 2000б). В целом, на могильнике за все годы исследования вскрыто 50 погребений.

Антропологический материал, полученный в результате раскопок 1972-1973 гг., обработан М.М. Герасимовой (1981); палеонтологические определения выполнены Л.Н. Иваньевым (1981); спектральный анализ металла проведен Н.Ф. Сергеевой (1981б). Радиоуглеродные определения выполнены Л.Д. Сулержицким, В.А. Панычевым и Л.А. Орловой.

На могильнике по концентрации погребений было выделено 3 участка (Савельев, Михнюк и др., 1981), однако, по культурно-хронологическому составу захоронений они не отличаются между собой. В связи с этим могильник рассматривается в целом, а не по отдельным его территориям.

Стратиграфический разрез в месте раскопок представляется следующим:

- 1) дерн (мощность 5-9 см);
- 2) темная гумусированная почва, культурный слой (30-40 см);
- 3) желтый суглинок.

Гумусированный слой содержит большое количество разновременного археологического материала (от неолита до позднего железного века), который стратиграфически не расчленяется.

Все погребения – грунтовые; их могильные ямы заложены в темном гумусированном слое. Проследить уровень их заложения не удалось.

По особенностям элементов погребальных комплексов и типологии сопроводительного инвентаря на могильнике выделено 6 культурно-хронологических групп захоронений.

2. Комплекс захоронений с трупомещением сидя в скорченной позе (шумилихинская группа)

Представляет собой наиболее многочисленный комплекс – 28 могил (№ 5, 7, 9-11, 14-17, 19-21, 23-25, 29, 32-33, 36-41, 43, 45, 1 (1977 г.), 1 (1986 г.)), состоящий из погребений с трупомещением сидя в скорченной позе (рис.3 –1). Ноги покойных согнуты в коленях и подтянуты к груди; руки располагались на груди либо охватывали колени. К этой же группе (по типологии инвентаря) относятся 2 повторных или расчлененных захоронения (№ 4 и 22).

Могильные ямы в плане круглой или овальной формы, в сечении – в виде шахтообразных выемок, глубиной 0,55–0,72 м. Захоронения – индивидуальные; в двух случаях – двойные (№ 32 - детское, № 37 – взрослая женщина и ребенок до 1 года). Преобладает ориентация погребенных лицевой частью на ССВ (вниз по течению реки) - 22 захоронения. В могилах № 9, 23, 25 - ориентация на восток (к реке), в № 10, 1 (1977 г.) - на запад (спиной к реке), в № 11 - на ЮЮЗ (вверх по течению).

В шести погребениях (№ 14, 20, 22, 37, 40, 1 (1986 г.)) зафиксированы пятна охры на костях либо инвентаре.

Сопроводительный инвентарь располагался, в основном, в области стоп или у пояса. В последнем случае он находился, видимо, в специальных сумках. Количество инвентаря в захоронениях не одинаково; в пяти погребениях он вообще отсутствовал (№ 4, 11, 16, 21, 23). Основной набор орудий и скульптура малых форм зафиксированы в мужских погребениях. В женских захоронениях чаще встречаются иглы, ножи, скребки. Украшения характерны для всех погребенных. Многие орудия носят на себе следы использования (зазубренность лезвий топоров и тесел, сбитость отбойников, залощенность костяных орудий и т.д.). Выделяется погребение № 38,

сопроводительный инвентарь которого представлен только предметами культа (антропоморфная и зооморфная скульптура).

Для инвентаря шумилихинской группы погребений характерно сочетание изделий глазковского и карасукского типов (Горюнова, 1975; Горюнова, Смотров, 1981; Горюнова, 1996а).

Изделия из металла найдены в семи могилах (№ 10, 25, 31, 32, 33, 36, 37). В их составе: трубочки (рис.3 –13), незамкнутые кольца (рис.3 –15), обломки литых ножей (рис.3 –14) и поясковый кельт карасукского типа с двумя ушками, отлитый в двусторонней форме (рис.3 –27).

Корпус кельта расширяется книзу; лезвие дополнительно расковано. Сечение втулки – округлое, корпуса – овальное. Втулка (частично обломанная) окаймлена нешироким выпуклым ободком. Ушки (одно из них обломано) расположены на боковых гранях на некотором расстоянии от края втулки. Кельт орнаментирован выпуклыми линиями, представляющими композицию из двух горизонтальных поясков, расположенных на уровне ушек. От нижнего пояса вверх отходит развилка, а вниз спускается разделительный валик.

Спектральный анализ изделий из металла свидетельствует об использовании для их изготовления чистой меди, оловянистой и мышьяковистой бронзы. Характерный набор микропримесей свидетельствует о местной сырьевой базе (Сергеева, 1981а, б).

Комплекс инвентаря из камня представлен: шлифованными топорами и теслами из зеленого нефрита (рис.3 –5), листовидными ножами-бифасами (рис.3 –6), наконечниками копий и стрел лавролистной и листовидной формы (рис.3 –2-4), двусторонними выпрямителями древка стрел из песчаника (рис.3 –9), точильными брусками из мелкозернистого сланца, шлифованными ножами из зеленого нефрита (рис.3 –7), прямым стерженьком составного рыболовного крючка с отверстием в расширенном основании для крепления острия и нарезками в верхнем конце (рис.3 –8).

В числе орудий из кости: одно- и двусторонние гарпуны с выступами-шипками либо с ромбовидной системой крепления (рис.3 –17-19), ложки с длинной рукоятью, плоским либо объемным резервуаром (рис.3 –23), острия, ложила, иглы, игольники, острога (рис.3 –16), цельнорезный крючок с двойным жалом (рис.3 –12), скребки из лопаток животных и роговые отжимники.

Набор украшений типичен для всего бронзового века Прибайкалья: диски и кольца из светлого нефрита и мрамора (рис.3 –20-22, 25), подвески из зубов марала (рис.3 –24) и расщепленных клыков кабана (рис.3 –26).

В шести погребениях (№ 14, 22, 24, 29, 38, 45) обнаружена скульптура малых форм (14 предметов). В ее составе зооморфные и антропоморфные фигуры.

В числе зооморфных скульптур выделяются каменные изображения налимообразных – 3 (№ 14, 29, 45) и хариусообразных – 1 (№ 14) рыб (рис.3

–10, 11). Первые из них – каплевидной формы, выполнены с большой стилизацией образа. Широкая плоская голова рыб плавно переходит в веретенообразный хвост. В районе жабер, хвоста и спинного плавника – биконические отверстия. Рыбы отличаются между собой размерами.

Большую группу скульптур представляют изображения медведя – 4 (№ 22 и 24). Они выполнены в одной манере, в виде стилизованных профильных фигур животных в полный рост (рис.5 –1-3). Изделия изготовлены из ветвей нижней челюсти козы. Моделированы самые существенные черты головы: характерный для медведя выпуклый лоб, длинная и тупая передняя часть морды. Уши переданы небольшими выступами, рот и глаза не обозначены. На выпуклой спине животных – отверстия для подвешивания.

Единичными экземплярами представлены скульптуры головы лося и змея (№ 38).

Изображение головы лося стилизованное (рис.4); изготовлено из большой берцовой кости ископаемого сибирского носорога (головка кости удалена). Морда животного несколько удлинена; выпуклая верхняя губа плавно переходит в лоб. Уши отсутствуют. Рот раскрыт. Ноздри переданы глубокими срезами, глаза – в виде маленьких сужающихся отверстий.

Фронтальное изображение змеи выполнено на костяном стерженьке. Широкая полукруглая голова отделена от узкого прямого туловища полукруглыми вырезами. Глаза, находящиеся в разных плоскостях, обозначены круглыми ямками. Конец туловища обломан.

Антропоморфные скульптуры по трактовке образа подразделяются на фигуры, выполненные в полный рост, в фас – 3 (№ 24, 38) и изображение лица-маски (№ 38).

Скульптура из погребения № 24 представляет собой фронтальное плоскостное изображение человека в полный рост, без рук. Голова – в форме овала; занимает 1/3 длины всей скульптуры. Лицо передано схематично. Поверхности щек западают (образованы срезами). Округлые надбровные дуги переходят в прямой нос. Лоб несколько выдается над плоскостью лица. Глаза и рот переданы круглыми ямками. Голова отделена от туловища неглубокими выемками, изображающими шею. Плечи покатые. Продолговатое туловище и ноги, отделенные друг от друга параболоидной выемкой, оформлены по бокам мелкими вырезами, образующими зубчатый край. В районе плеч – биконические отверстия. Туловище в районе груди, пояса и бедер украшено наклонными насечками в виде елочки. Ноги оформлены аналогичными насечками, нанесенными горизонтально. Изображение выполнено на костяной пластине.

Скульптура из погребения № 38 – объемная; изображает женщину в полный рост (рис.6 –2). Изделие выполнено из рога; обработка – двусторонняя. Голова занимает 1/5 часть всей длины скульптуры; имеет форму овала. В изображении лица четко моделированы широкие скулы и острый подбородок. Поверхности щек и рта западают; глаза и рот не

обозначены. Округлые надбровные дуги переходят в прямой удлиненный нос. Туловище изогнуто, образует с правой стороны резкую выпуклость. Ниже передана женская половая принадлежность. Руки у скульптуры отсутствуют. Прямые объемные ноги отделены друг от друга параболоидной выемкой.

Скульптура из размытого погребения – объемная. Она изображает человека в полный рост, без рук (рис.5 –4). Голова и частично ноги – обломаны. Обработка рога, из которого изготовлена скульптура, – двусторонняя. Тыльная сторона изделия пришлифована в районе спины и таза. Туловище продолговатое, сужается книзу. Плечи покатые, несколько выдаются над остальной поверхностью туловища. В районе правого плеча – биконическое отверстие. Рельефом показаны грудь и живот (плоскость последнего несколько вдавлена по отношению к груди). Объемные ноги – прямые; отделены друг от друга параболоидной выемкой. На груди антропоморфной скульптуры изображена зооморфная фигура в полный рост. Она выполнена в стиле барельефа; изображение – профильное (повернуто головой в левую сторону). Голова зверя частично отслоилась. По общей конфигурации фигуры (характерный наклон головы, выпуклость живота и спины) можно предположить в этом барельефе медведя.

Антропоморфное лицо-маска изготовлено из нижней части шейного позвонка сибирского носорога (рис.6 –1). Лицо – в форме овала (подбородок несколько приострен). Рельефные надбровные дуги переходят в узкий нос, заканчивающийся прямым поперечным срезом, вскрывающим губчатую поверхность позвонка. Срез образует так называемый носо-губный треугольник, на котором вырезан рот в виде трапециевидного углубления. Естественная форма позвонка передает впалые щеки. Глаза показаны круглыми вдавлениями; в районе предполагаемых ушей – круглые отверстия для крепления. Третье отверстие находится на небольшом выступе, вырезанном с тыльной стороны скульптуры (как бы на затылке).

Скульптура малых форм могильника Шумилиха по сюжету и основным мотивам аналогична глазковской (Окладников, 1955). От последней она отличается трактовкой и детализацией образов, объемностью антропоморфных фигур, появлением новых мотивов – медведь и змея (Горюнова, 1974а; Студзицкая, 1981).

В наиболее богатых захоронениях (по количеству сопроводительного инвентаря) отмечены кости диких и домашних животных (в естественном виде и в изделиях). В могиле № 32 (двойное детское) между стопами погребенных найдено скопление фаланг медведей от двух особей. В числе определимой фауны, зафиксированной в сидячих погребениях, отмечены: кости цапли или журавля, рыб, бурого медведя, лисицы, дикого кабана, благородного оленя (марала), лося, рыси и домашних животных: собаки, быка, козы или барана (Иваньев, 1981). Необходимо отметить, что в

глазковских погребениях бронзового века Прибайкалья кости домашних животных не встречены (Окладников, 1955).

Учитывая высокий уровень местного бронзолитейного производства (состав бронз, техника литья в закрытой форме, наличие втульчатого изделия карасукского типа), присутствие костей домашних животных (бык, коза или баран) и стратиграфические наблюдения по трем пересекающимся погребениям разных периодов бронзового века могилы № 5 Улан-Хады IV, где захоронение сидя в скорченной позе располагалось в самом верхнем уровне (Комарова, Шер, 1992; Горюнова, Хлобыстин, 1992), считаем возможным отнести рассматриваемый комплекс к позднему бронзовому веку и датировать его IX-VIII вв. до н.э. (Горюнова, 1975, 1996а; Горюнова, Смотров, 1981).

По сидячим погребениям могильника Шумилиха получено 10 радиоуглеродных дат (все определения проведены по образцам от костяков из погребений) охвата от 4850 ± 70 до 3850 ± 80 л.н. (Мамонова, Сулержицкий, 1989):

- № 10 - 4850 ± 70 (ГИН-4064) л.н.,
- № 32-2 - 4660 ± 80 (ГИН-4068) л.н.,
- № 22 - 4290 ± 40 (ГИН-4523) л.н.,
- № 40 - 4260 ± 90 (ГИН-3884) л.н. и 4500 ± 600 (ГИН-3332) л.н.,
- № 37 - 4100 ± 50 (ГИН-4065) л.н.,
- № 45 - 4100 ± 70 (ГИН-4520) л.н.,
- № 24 - 4060 ± 120 (ГИН-4521) л.н.,
- № 29 - 4040 ± 40 (ГИН-4515) л.н.,
- № 1 (1986 г.) - 3850 ± 80 (ГИН-6821) л.н.

Обращает на себя внимание большой разброс дат, диапазон которого до 1000 лет. Полученные определения намного удревняют период позднего бронзового века и противоречат данным относительного датирования.

3. Комплекс погребения с труположением на спине, вытянуто и оберткой берестой (мухорская группа)

Погребенная (могила № 1) - женщина старческого возраста, ориентирована головой на север (вниз по течению реки). Ее туловище было обернуто берестой; в ногах размещался сосуд (рис.7 -1).

Сопроводительный инвентарь состоял из гладкостенного сосуда с круглым дном и отогнутым венчиком (рис.7 -2). Верхняя поверхность последнего украшена наклонными насечками. Тулово орнаментировано пояском ногтевых зацепов.

По композиции, элементам и технике нанесения орнамента сосуд из погребения аналогичен керамике из I верхнего культурного слоя опорного многослойного поселения Улан-Хада, датируемого поздним бронзовым веком (Горюнова, Смотров, 1981; Горюнова, 1984, 1996а; Горюнова,

Хлобыстин, 1992). Стратиграфическое положение слоя (между слоями развитого бронзового века и переходного к железному веку периода) подтверждает предложенную датировку. По нижележащему - I нижнему культурному слою (развитый бронзовый век) имеется два радиоуглеродных определения: 3800 ± 100 (ЛЕ-1277) л.н. (уголь из кострища) и 3620 ± 50 (ГИН-4875) л.н. (кость животного) (Горюнова, Воробьева, 1993; Горюнова, Воробьева и др., 1996).

Орнаментация сосудов ногтевыми защипами появляется в лесостепном Приобье, Барабе и Среднем Прииртышье так же в комплексах позднего бронзового века – IX (X) – VIII вв. до н.э. (Молодин, 1985).

Радиоуглеродная дата по погребению № 1 могильника Шумилиха – 3900 ± 40 (ГИН-4125) л.н. (Мамонова, Сулержицкий, 1989). На фоне вышеназванных аналогий она выглядит несколько удревленной.

4. Комплекс глазковских погребений

Представлен тремя захоронениями (№ 12, 26, 27). Труположение погребенных на спине, вытянуто (рис.7 –15). Ориентация покойных различна: костяки из погребений № 12 и 27 ориентированы черепами на ССВ (вниз по течению реки), № 26 – на ЮЮВ (вверх по течению).

В погребении № 26 зафиксированы наконечники стрел листовидной формы с прямой базой (рис.7 –9-11). Подобная типологическая форма считается характерной для глазковских комплексов бронзового века Прибайкалья (Окладников, 1955). В числе изделий зафиксированы: подвески из зубов марала (рис.7 –13-14) и плоский диск из кости (рис.7 –12).

По погребению № 12 получено две радиоуглеродные даты: 4360 ± 70 (ГИН-4069) и 4020 ± 50 (ГИН-4514) л.н.; по захоронению № 27 - 3730 ± 40 (ГИН-4518) л.н. (Мамонова, Сулержицкий, 1989). Несколько настораживает большой разброс дат. Даже по одному погребению № 12 разрыв между определениями равен 340 годам.

5. Комплекс серовского погребения

Труположение погребенного (могила № 28) вытянутое, на спине, головой на ЮЮЗ (вверх по течению реки). Покойный подвергался частичному сожжению (верхняя половина трупа) непосредственно в могильной яме (рис.7 –8).

В числе инвентаря: шлифованный нож из сланца (рис.7 –7), костяные игольник и игла (рис.7 –4, 5), плоские подвески щитовидной формы, вырезанные из кости (рис.7 –3) и пастовые бусинки (рис.7 –6).

Использование «очистительного» огня в погребальной практике отмечено в комплексах позднесеровских (неолитических) и глазковских (бронзовый век) захоронений Прибайкалья (Окладников, 1950б, 1955;

Горюнова, 1997; Горюнова, Вебер, 2000). Однако, типология инвентаря характерна для позднесеровских погребений, возраст которых определен серией радиоуглеродных дат в пределах 4600 - 4300 л.н. (Окладников, 1950б; Горюнова, 1997). Ранее захоронение ошибочно относилось к позднеглазковскому времени (Горюнова, Смотрова, 1981).

6. Комплекс исаковского погребения

Представляет собой разрушенное коллективное погребение (как минимум, четыре человека) со следами воздействия огня - № 2 (рис.8 –1). В захоронении на каменном ноже отмечена охра.

Состав сопроводительного инвентаря: нож-бифас подтреугольной формы (рис.8 –14), вкладыш-бифас (рис.8 –8), костяные иглы (рис.8 –3, 4) и игольники: без украшений (рис.8 –5) и с орнаментом «гофр» (рис.8 –7, 11), острия (рис.8 –9-10), ложило (рис.8 –2), подвески из зубов марала (рис.8 –12, 15) - аналогичен изделиям из исаковских погребений Приангарья и, в частности, могильника Усть-Ида (Окладников, 1950б; Тютрин, Базалийский, 1996). Возраст последних определяется по серии радиоуглеродных дат в пределах 5200 – 4500 л.н. (Тютрин, Базалийский, 1996).

В погребении № 2 найден изогнутый стерженек составного рыболовного крючка с боковыми выемками-насечками в верхней части (рис.8 –13). Типологически он подобен стерженькам из X слоя поселения Улан-Хада (ранний неолит), радиоуглеродная дата которого 5495±125 (СОАН-3336) л.н. (Горюнова, 1984, 1996б, 2001; Горюнова, Воробьева и др., 1996). Ранее погребение ошибочно относилось к глазковской культуре (Горюнова, Смотрова, 1981).

7. Комплекс китойских погребений

Представлен четырьмя могилами: № 42, № 2 и 3 (1977 г.), № 1 (1999 г.). Труположение погребенных – вытянутое, на спине (рис.9 –1). Ориентация захоронений № 42 (детское) и № 1 (1999 г.) - головой на север (вниз по течению реки), погребений № 2 и 3 (1977 г.) – на запад (поперек реки). Костяки полностью засыпаны охрой. В могилах взрослых отмечено использование бересты и каких-то деревянных конструкций, вероятно, внутримогильных перекрытий (Окладников, Конопацкий, 1984; Бердникова, Ветров, 2000б). В погребении № 1 (1999 г.) зафиксированы остатки деревянных конструкций и на дне могилы; здесь же отмечены углистые пятна.

Преобладают индивидуальные погребения (3); захоронение № 3 (1977 г.) – двойное (парное), одноплоскостное. У одного костяка (из последнего захоронения) череп отсутствовал (рис.9 –1).

Детское захоронение без инвентаря. В числе сопроводительного материала взрослых погребений отмечены изделия, характерные для китойской и глазковской культур Прибайкалья. Наконечники стрел с вогнутой базой и асимметричными шипами (рис.9 –9, 10), стерженьки составных рыболовных крючков с полулунными головками, ложки-лопаточки (одна из них – с фигурной рукоятью) (рис.9 –12), украшения из клыков кабана (рис.9 –11), костяные трубочки с орнаментом в виде шевронов (рис.9 –6), несомненно, китойского типа (Окладников, 19506), в то время как подвеска удлинненно-овальной формы из светлого нефрита (рис.9 –8), перламутровые бусы (рис.9 –5), диск из мрамора (№ 3 (1977 г.)), кольцо и вытянутая бусина из белого нефрита (№ 1 (1999 г.)) характерны для глазковской культуры бронзового века Прибайкалья (Окладников, 1955).

В числе изделий, найденных в погребении № 2 (1977 г.), 12 трубочек из костей птиц, украшенных резным узором – шевронами. Их компактное расположение и ориентация концами в одну сторону позволило авторам раскопок предположить, что эти трубочки могли служить музыкальным инструментом типа флейты (Окладников, Конопацкий, 1984). В двух из них впоследствии были обнаружены костяные иглы.

Интерес представляют зооморфные профильные скульптурки из погребения № 2 (1977 г.), служившие украшением головного убора. Все фигуры – плоские, изготовлены из кости. Четыре из них изображают, по мнению авторов, лосей (рис.9 –2-3). Самая крупная из фигур – лось-самец. Древним мастером переданы основные, определяющие вид животного детали: массивная верхняя губа, нависающая над нижней челюстью, подшейная кисть, на спине – характерный горб. У других трех фигурок – вытянутые приостренные морды. Выступами показаны ухо и ноги животных. У двух лосих отмечен короткий хвост. Все скульптуры на спине, в районе выступающего горба, имеют отверстия для подвешивания.

Пятое скульптурное изображение – фигурка лебедя (рис.9 –4). Длинная шея птицы вытянута, клюв приострен. Небольшое, поднятое вверх крыло, в котором просверлено отверстие, и отведенная назад нога как бы передают состояние полета или, скорее, взлет этой птицы.

Скульптурные изображения лося, но в виде парциальных головок, часто встречаются в китойских, реже – в глазковских захоронениях Прибайкалья (Окладников, 19506, 1955; Георгиевская, 1989; Комарова, Шер, 1992). Однако, их отличает манера и стилистика передачи образа. Зооморфные подвески лосей, найденные в погребении № 2 (1977 г.), находят аналогии (по технике исполнения и манере передачи образа) в погребениях с трупопомещением сидя в скорченной позе № 22 и 24 позднего бронзового века (рис.5 –1-3), а так же в глазковском захоронении № 13 Макрушинского могильника на р. Лена (Алтухов, 1993, 2001; Ветров, Бердникова и др., 1995, с.114). По последнему погребению получено радиоуглеродное определение -

4200 \pm 40 (ГИН-7766) л.н. Дата по захоронению № 24 могильника Шумилиха – 4060 \pm 120 (ГИН-4521) л.н. (Мамонова, Сулержицкий, 1989).

По трем китойским погребениям могильника Шумилиха получены радиоуглеродные определения: № 2 (1977 г.) - 4380 \pm 15 (СОАН-1665) л.н., № 3 (1977 г.) - 6370 \pm 60 (ГИН-4100) л.н., № 1 (1999 г.) - 6250 \pm 200 (СОАН-4252) л.н. (Окладников, Конопацкий, 1984; Мамонова, Сулержицкий, 1989; Бердникова, Ветров, 2000а). Обращает внимание противоречие этих дат между собой. Полное тождество элементов погребальных комплексов китойских погребений могильника Шумилиха свидетельствует о их хронологическом единстве, однако, разрыв дат между ними составляет 2000 лет.

*

*

*

В заключение следует отметить, что на могильнике Шумилиха представлены погребения шести культурно-хронологических комплексов, датируемых разными периодами неолита и бронзового века Прибайкалья. Практически все они имеют радиоуглеродные определения, которые не всегда соответствуют их относительному датированию другими методами наук. По данным ^{14}C выделенные комплексы датируются следующим образом:

китойский – 6370 – 4380 л.н.,
исаковский – 5200 – 4500 л.н.,
серовский – 4600 – 4300 л.н.,
глазковский – 4360 – 3730 л.н.,
шумилихинский – 4850 – 3850 л.н.

Если принять все эти определения за соответствующие действительности, то следует признать, что шумилихинский комплекс с развитым бронзолитейным производством сосуществовал на одной территории, практически, со всеми культурами неолита и раннего бронзового века Прибайкалья, не оказывая на них никакого влияния.

Некорректность дат для развитого – позднего бронзового века юга Байкальской Сибири неоднократно отмечалась в ряде публикаций (Константинов, 1994; Константинов, Семина и др., 1989; Горюнова, 1996а; Горюнова, Новиков и др., 1998). В настоящее время аргументированно объяснить это явление не представляется возможным.

Могильник Шумилиха,
каменные изображения рыб.
(фото П.П. Лабеецкого)

Могильник Шумилиха,
зооморфные подвески-медведи.
(фото П.П. Лабцкого)

Могильник Шумилиха,
антропоморфные фигурки.
(фото П.П. Лабеецкого)

Могильник Шумилиха,
антропоморфное лицо-маска
(фото П.П. Лабевского)

Могильник Шумилиха, антропоморфная скульптура;
могильник Сарминский Мыс, зооморфные подвески-рыбки.
(фото П.П. Лабеецкого)

Могильник Сарминский Мыс,
зооморфная скульптура-личина
(фото П.П. Лабеецкого)

Глава II. МОГИЛЬНИК УЛЯРБА

1. Общая характеристика

Могильник Улярба расположен в Ольхонском районе Иркутской области, в 188 км к СВ от г. Иркутска и в 4 км к ЮЗ от пос. Сарма (рис.1, 10). Древние погребения находились на склоне горы, в основании мыса Антухай (СЗ побережье залива Мухор Малого моря оз. Байкал).

Захоронения обнаружены и частично исследованы (вскрыто 28 могил) отрядом Иркутской археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР (Л.П. Зяблин) в 1959 г. (Грязнов, 1960; Грязнов, Максименков, 1992). По локализации погребений и некоторым особенностям обряда Л.П. Зяблиным было выделено четыре группы захоронений, получивших названия Улярба I–IV (рис.10). К могильнику Улярба I первооткрыватель некрополя отнес 5 захоронений (№ 1–3, 16, 19), четыре из которых располагались в один ряд поперек склона в его основании. Основное скопление погребений, находящееся в 50 м выше по склону от захоронений Улярбы I (на следующем террасовидном уступе), им именовано Улярбой II. В 15 м к северу от последнего Л.П. Зяблин выделил пункт Улярба III (№ 25–28), а в 60 м к западу – Улярба IV (№ 21–22). Могильники Улярба I–II отнесены им к бронзовому веку, Улярба III – к серовской культуре неолита Прибайкалья, датировка пункта Улярба IV не была определена. Впоследствии комплексы Улярбы IV были отнесены к раннему железному веку – культура плиточных могил (Новиков, 1999).

В 1976 г. Маломорским отрядом КАЭ ИГУ (О.И. Горюнова) возобновились раскопки могильника Улярба (вскрыто 6 погребений), изучение которого продолжено Ангаро-Байкальским отрядом экспедиции Иркутского краеведческого музея (В.И. Смотров) в 1983 г. (вскрыто 6 погребений) (Горюнова, 1977; Смотров, 1984). Раскопанные в 1976 и 1983 гг. захоронения по их расположению были отнесены к могильнику Улярба II (Смотров В., Смотров Г. и др., 1977; Панковская, Смотров, 1982; Смотров, 1985), хотя часть их по особенностям погребальных комплексов датируется неолитом (серовская культура). В связи с тем, что захоронения неолита и бронзового века располагались практически на одной территории, считаем правомерным не подразделять их на отдельные могильники (как предлагал Л.П. Зяблин), а рассматривать единым хронологически разновременным некрополем. В целом, на могильнике за все годы исследования вскрыто 40 погребений периодов неолита – палеометалла.

Антропологические определения для погребений № 1-30 выполнены М.М. Герасимовым, для № 35-36 – А.Р. Кимом, для № 7-42 – Н.Н. Мамоновой (Грязнов, 1960; Краниологические коллекции..., 1979).

Радиоуглеродные даты по костям из погребений получены Л.Д. Сулержицким (Мамонова, Сулержицкий, 1989).

На территории могильников Л.П. Зяблин (впоследствии и другие исследователи) зафиксировал культурный слой, содержащий хронологически разновременный археологический материал (Грязнов, 1960; Горюнова, Свинин, 1996).

Стратиграфический разрез в месте раскопок представляется следующим:

- 1) почвенно-растительный горизонт (мощность 4-5 см);
- 2) темная гумусированная супесь, культурный слой (мощность 18-20 см);
- 3) желтая щебенистая супесь (мощность до 35 см);
- 4) скальник.

Культурный слой содержит многочисленные фрагменты керамики: с гладкой поверхностью, с негативами сетки-плетенки, шнура и штрихов, украшенные оттисками различных штампов, ногтевыми зацепками и наклепными валиками. В числе изделий из камня: стерженьки составных рыболовных крючков, наконечники стрел, резцы, скребки, пластинчатые сколы и отщепы. В слое зафиксирован обломок бронзовых удил с гладким, округлым в сечении стержнем и стремевидным окончанием. Подобные формы удил характерны для культур раннескифского времени (VIII-VI вв. до н.э.) (Грязнов, 1947; Кирюшин, Тишкин, 1997). В целом, культурный слой содержит хронологически разновременный материал, датируемый неолитом – ранним железным веком, который стратиграфически не расчленен (Грязнов, 1960; Горюнова, Свинин, 1996, с.89).

Все захоронения, вскрытые на могильнике, - грунтовые. Они располагались под каменными надмогильными сооружениями, основания которых фиксировались в темном гумусированном слое.

Учитывая особенности элементов погребальных комплексов (конструкции надмогильных и внутримогильных сооружений, трупопомещение, ориентацию и дополнительные детали), номенклатуру и типологию сопроводительного инвентаря, нами выделено 5 культурно-хронологических комплексов захоронений, объединенных набором характерных признаков. Из них четыре относятся к неолиту – бронзовому веку, пятый (погребения № 21-22) – к раннему железному веку (Новиков, 1999), поэтому последний комплекс в данной работе не рассматривается.

В основу их датирования положен типологический анализ сопроводительного инвентаря, уровень развития бронзолитейного производства, ряд стратиграфических наблюдений, синхронизация с комплексами стратифицированных многослойных поселений и погребений Приольхонья (прежде всего, с Улан-Хадой), и Прибайкалья в целом, а так же с материалами сопредельных территорий.

2. Комплекс позднеглазковских захоронений

Для комплекса – 21 погребение (№ 1-6, 8-10, 16, 19, 24, 29, 31-32, 34-38, 42), характерны надмогильные сооружения овальной или округлой формы; преобладали сплошные конструкции (рис.11 –1), встречены кольцевые (рис.11 –2). Последние, как правило, все грабленые в древности и, возможно, первоначально так же были сплошными. Кладки состояли из плит породы, уложенных друг на друга в несколько слоев. Преобладали сооружения размерами 4,1-6,0 х 6,8-7,2 м. Ориентация практически всех надмогильных сооружений большим диаметром по линии ЮЗ-З – СВ-В; исключение составляют четыре погребения (№ 3, 34, 37, 42), которые вытянуты по линии С-СЗ – Ю-ЮВ.

В пяти погребениях (№ 5, 8, 34, 35, 42) зафиксированы внутримогильные перекрытия из плит породы. В четырех захоронениях (№ 24, 35, 36, 42) могильные ямы ограничены вертикально стоящими плитами (в головах и ногах погребенных) (рис.11 –5).

Ориентация всех могильных ям по линии ЮЗ-З – СВ-В. Глубина могил от 0,25 м до 0,60 м (исключение - № 37, 38, 42, где глубина ям 0,6-1,0 м).

Для комплекса характерно многообразие трупопомещения в могильную яму. Преобладает вытянутое на спине – 16 (рис.11 –5). Встречаются с согнутыми в коленях ногами: на спине (рис.11 –4) – 9 (№ 1 –3; 2 –2,3; 3 –1; 6; 8-9; 16; 32) и на правом боку - 1 (№ 3 –2). В погребениях № 1 и № 2 отмечено сочетание трупоположений (рис.11 –3): на спине вытянуто и на спине с согнутыми в коленях ногами (№ 1 - соотношение 2:1; № 2 - 1:2). В погребении № 3 - сочетание трупопомещений: на спине с согнутыми в коленях ногами и на боку с согнутыми ногами. Сочетание различных трупопомещений в одной могильной яме свидетельствует об их единовременном существовании. Ориентация всех покойных головой на ЮЗ-З. В коллективных и двойном захоронениях ориентация погребенных единообразная.

Преобладают индивидуальные погребения - 18, встречаются тройные – 2 (№ 1, 2) и двойное (№ 3) одноплоскостные захоронения.

Из индивидуальных погребений преобладали захоронения взрослых; два – принадлежали юношам (№ 8, 16). Отдельных детских погребений (менее 13 лет) не зафиксировано.

Коллективные и двойные погребения по половозрастному составу подразделяются: на совместные захоронения взрослых и детей - № 3 (мужчина и ребенок); юношей и ребенка - № 2; совместные захоронения детей - № 1.

Общее количество костяков в захоронениях этой группы составляет 26 погребенных.

В четырех могилах (с различным трупомещением покойных: № 3, 29, 34, 35) под кладками зафиксированы кострища.

Важно отметить наличие захоронений, засыпанных охрой. Интенсивность последней различна. В погребениях № 6, 8, 10 – обильная окраска костяков и дна могил охрой, в могиле № 16 зафиксировано отдельное пятно.

Засыпка погребенного охрой – характерная черта для обряда китойской неолитической культуры Прибайкалья (Окладников, 1950б; Конопацкий, 1982; Георгиевская, 1989; Мамонова, Базалийский, 1991). В захоронениях бронзового века встречаются отдельные пятна охры, фиксируемые на костях погребенного или на сопроводительном инвентаре. Сочетание полной засыпки костяка охрой с элементами обряда, характерными для бронзового века (включая и наличие изделий из бронзы), впервые отмечено в Прибайкалье Л.П. Зяблиным на могильнике Улярба. В настоящее время подобные особенности обряда зафиксированы в погребениях № 2, 4-5, 10, 14, 16 могильника Хужир-Нугэ XIV на Байкале (Горюнова, 1995; Горюнова, Вебер, 1997; Горюнова, Вебер и др., 1998).

Во всех погребениях, как правило, отмечен сопроводительный инвентарь (исключение – № 24 – грабленое). Захоронения отличаются по количеству и набору инвентаря. Наиболее богатые из них: № 2 (тройное), № 3 (двойное), 10, 19, 35, 37. Украшения располагались в районе груди и запястий рук, видимо, ими обшивалась одежда. Изделия фиксировались, как правило, компактными группами (вероятно, находились в специальных сумках) преимущественно в головах и на тазовых костях (у пояса).

В шести погребениях (№ 2, 3, 10, 19, 35, 38) найдены изделия из бронзы: рыболовные крючки (рис.12 –22), бляшки (рис.12 –21), трубочка (рис.12 –25), пластинчатый нож, игла (рис.15 –4), изогнутые литые пластины (рис.12 –23) и обломок втульчатого орудия (рис.12 –24).

Сопроводительный инвентарь представлен: шлифованными топорами и теслами из зеленого нефрита (рис.13 –7-8), ножами-бифасами листовидной формы (рис.13 –5), пластинчатыми шлифованными ножами из зеленого нефрита (рис.13 –11), листовидными и лавролистными наконечниками копий с бифасиальной обработкой (рис.12 –26-27). Преобладают наконечники стрел с прямой, округлой и слегка выпуклой базой подтреугольной и листовидной форм (рис.12 –1, 4-6, 11-16; 15 –1). Для комплекса характерны вытянутые (рис.12 –11, 13, 15) и равносторонние (рис.12 –2, 6, 12; 15 –1) наконечники; встречаются: черешковые (рис.12 –8, 10), ромбовидные (рис.12 –9), с вогнутой (рис.12 –2-3, 7) и со скошенной базой (рис.12 –12). Распространена зубчатая ретушь. Характерны концевые скребки с ретушью по краям изделий (рис.13 –1-2), проколки и сверла с вытянутым острием (обработаны бифасиально) и расширенным основанием (рис.12 –18-19), дисковидный плоский скребок из слюдястого сланца. В погребении № 16 найден

вкладышевый меч, состоящий из 15 вкладышей-бифасов (рис.13 –10). Часто встречаются абразивы (рис.13 –9; 15 –7).

Набор украшений: диски и кольца из светлого нефрита и кальцита (рис.14 –1-4, 7), подвески из зубов животных (рис.14 –5-6; 15 -2).

Разнообразны изделия из кости: игольники (рис.14 –8; 16 –4), иглы (рис.14 –9), ложка с длинной рукоятью (рис.14 –12), ложила (рис.15 –10; 16 –3, 6), острия и проколки (рис.14 –10-11; 15 –8; 16 –2, 5, 9), двусторонние гарпуны с выступами-шипами в основании (рис.15 –5-6, 9; 16 –1, 7-8), наконечники стрел с ромбовидным сечением (рис.15 –3).

В числе сопроводительного материала в пяти захоронениях (№ 2, 16, 19, 35, 36) встречены кости животных, из них в трех погребениях (№ 16, 35, 36) – собаки. Захоронение собак (или их отдельных костей), вероятно, в погребениях их хозяев отмечено с неолита и продолжало встречаться в бронзовом веке: в китойском погребении № 3 (1972 г.), в захоронениях бронзового века № 1 и 4 (1973 г.) могильника Шаманский Мыс (Конопацкий, 1982).

В составе остатков фауны отмечены: челюсти лисицы, волка, бобра, клыки кабарги (№ 2), позвонок рыбы (№ 36), кости птиц и зайца (№ 19). В последнем случае суставные кости и когти зайца располагались в анатомическом порядке, вероятно, в погребение укладывалась целая лапка животного. Подобные находки заячьих лапок отмечены в ряде погребений бронзового века Приольхонья: Сарминский Мыс № 33, Хужир-Нугэ XIV № 3 и 61 (Горюнова, 1995; Горюнова, Новиков и др., 1998; Горюнова, Вебер и др., 1998; Новиков, 1998; Горюнова, Вебер, 2000). Вероятно, они служили культовым целям.

Основные признаки, выделенные для погребального комплекса этой группы захоронений могильника Улярба, характерны для позднеглазовских погребений Приольхонья и Прибайкалья в целом (Конопацкий, 1982; Комарова, Шер, 1992; Горюнова, 1992; Горюнова, Воробьева, 1993). Полное сходство элементов погребальных комплексов, их многообразие, аналогичный номенклатурный набор и типология инвентаря отмечены на могильнике Хужир-Нугэ XIV в Приольхонье (вскрыто 78 захоронений) (Горюнова, Вебер и др., 1998; Горюнова, Вебер, Ливерсе и др., 1998; Горюнова, Вебер, 2000), что позволяет нам говорить о их культурно-хронологическом единстве.

Отнесение этих комплексов к развитому бронзовому веку подтверждается наличием в погребениях могильника Улярба литых изделий из бронзы (в открытых и закрытых формах), присутствием обломка втульчатого орудия и составом бронз. Спектральный анализ иглы из погребения № 10, рыболовного крючка и бляшек из погребения № 35 показал сплав меди с оловом (до 11-12 %), расцвет которого на территории Прибайкалья и Забайкалья начинается с конца II - начала I тыс. до н.э. (Герасимов, Черных, 1975; Сергеева, 1981a). В Минусинской котловине

распространение таких сплавов приходится на тагарскую культуру (I тыс. до н.э.) (Богданова-Березовская, 1963, с.136).

Говоря об относительном датировании комплекса погребений развитого бронзового века могильника Улярба, необходимо отметить аналоги сопроводительного инвентаря из камня с материалами I нижнего слоя (слой Б - по М.П. Грязнову и М.Н. Комаровой) многослойного поселения Улан-Хада: все типологические формы наконечников стрел, листовидные ножи-бифасы, дисковидный плоский скребок из сланца, пластинчатые шлифованные ножи из зеленого нефрита, вкладыши-бифасы, топоры и тесла из зеленого нефрита, абразивы и округлые мелкие гальки (Хлобыстин, 1964; Горюнова, 1984, 1992; Грязнов, Комарова, 1992; Горюнова, Воробьева, 1986, 1993). Этот комплекс располагался в четких стратиграфических условиях между слоями раннего (пачка II-VII слоев) и позднего (I верхний культурный слой) бронзового века, отделенных стерильными прослойками.

Керамика I нижнего слоя Улан-Хады и синхронных ему IV-V слоев Тышкинэ III находит аналогии (по технике нанесения и орнаментальным мотивам, по наличию «культовой» посуды) с самусьскими материалами Западной Сибири, а по наличию на ряде сосудов «воротничков» - с андроновидно-карасукскими культурами Верхней Оби и Зауралья (Горюнова, Хлобыстин, 1992; Горюнова, Воробьева, 1993).

Отнесение выделенного комплекса к развитому бронзовому веку подтверждается так же аналогами с хронологически близкими культурами сопредельных территорий и, прежде всего, с кротовской культурой (ее поздним этапом) Западной Сибири (Молодин, 1975, 1985). На могильнике Сопка-2 отмечен практически полный набор сходных признаков погребального обряда (многообразие трупопомещений: на спине, на спине с согнутыми ногами, на боку с согнутыми ногами; использование в обряде огня, разводимого непосредственно в могильной яме, и засыпки охрой; наличие коллективных захоронений с одноплоскостным и ярусным размещением покойных). Ряд аналогий отмечается и в наборе сопроводительного инвентаря, которые, на наш взгляд, носят эпохальное сходство. Говорить о культурном единстве этих комплексов не приходится, так как и те, и другие имеют специфические наборы инвентаря, характерные только для этих культур.

Определенные моменты сходства в погребальном комплексе и сопроводительном инвентаре отмечены и в захоронениях окуневской культуры (трупопомещение на спине с согнутыми ногами, наличие коллективных погребений, ориентация головой на ЮЗ, достаточно широкое использование охры; набор изделий из металла и камня; сходные черты в бронзолитейном производстве) (Максименков, 1975а; Вадецкая, Леонтьев и др., 1980). Все эти моменты позволяют, по-видимому, говорить об эпохальной близости рассматриваемых культур.

На основе синхронизации выше перечисленных комплексов и метода перекрестного их датирования (позднекротовский этап – XIV-XII вв. до н.э., окуневская и самусьская культуры – XVI-XIII вв. до н.э.) нами определен возраст развитого бронзового века Прибайкалья в пределах XVI-XI вв. до н.э. (Матющенко, 1973; Максименков, 1975а; Вадецкая, Леонтьев и др., 1980; Косарев, 1981; Молодин, 1985, с.87-88, 177; Горюнова, 1992; Goryunova 1995; Горюнова, Воробьева, 1993).

Абсолютные даты по слоям развитого бронзового века с многослойных поселений Приольхонья не противоречат предложенной датировке: I нижний слой Улан-Хады – 3800 ± 100 (ЛЕ-1277) л.н. и 3620 ± 50 (ГИН-4875) л.н.; V слой Тышкинэ III – 3440 ± 20 (СОАН-2511) л.н. и 3160 ± 50 (ГИН-4878) л.н.; IV слой Тышкинэ III – 3080 ± 60 (ГИН-4879) л.н. и 3000 ± 30 (СОАН-2513) л.н. (Горюнова, Воробьева и др., 1996).

По двум погребениям могильника Улярба получены радиоуглеродные определения: № 3 - 3840 ± 50 (ГИН-4483) л.н. и 3850 ± 100 (ГИН-4481) л.н., № 16 - 4290 ± 80 (ГИН-4484) л.н. (Мамонова, Сулержицкий, 1989), которые на фоне выше перечисленных данных выглядят несколько удвоенными.

3. Комплекс погребения с труположением на спине с согнутыми ногами и оберткой берестой (мухорская группа)

Надмогильное сооружение (№ 13) - кольцевое, округлое; выложено из плит породы в несколько слоев (рис.17 –1). Его диаметр – 5 м. Захоронение парное (мужчина - № 2 и женщина - № 1), одноплоскостное. Труположение – на спине с согнутыми в коленях ногами (рис.17 –2). Отличается от других групп ориентацией (головой на восток - № 2 и ЮВ - № 1) и особенностями обряда – погребенные находились в берестяных чехлах (рис.17 –3). На костяках отмечены пятна охры; на женском скелете – окись меди.

Сопроводительный инвентарь располагался компактно, вероятно, находился в мешочке. Украшения отмечены на черепе и груди погребенных.

Ансамбль изделий представлен костяными остриями (рис.18 –5, 11), ложкой с длинной рукоятью (рис.18 –12), игольником, иглами (рис.18 –6), лоцилом (рис.18 –8), концевым скребком на пластинчатом сколе кремня (рис.18 –4). Набор украшений типичен для всего бронзового века Прибайкалья: диски (рис.18 –7), кольца (рис.18 –9) и удлинённые пластины с зарубками в верхнем конце (рис.18 –10) из светлого нефрита, бусы из арагонита (рис.18 –3) и пасты (рис.18 –2), подвески из зубов марала (рис.18 –1).

Использование бересты при совершении захоронений на территории Прибайкалья отмечено с периода неолита: китойское погребение № 3 (1972 г.) Шаманского Мыса, серовские и глазковские захоронения Приольхонья

(Конопацкий, 1982; Горюнова, 1987б, 1997; Горюнова, Вебер, Ливерсе и др., 1998). Однако, в них береста употреблялась в виде покрытия.

Погребения в берестяных чехлах в сочетании с инвентарем, относящимся к позднему бронзовому веку, встречены на могильнике Шумилиха № 1, в детском погребении № 22 (1948 г.) Фофоновского могильника и в захоронениях № 2, 5, 9 Тальского могильника (Горюнова, Смотров, 1981; Савельев, Михнюк и др., 1981; Окладников, 1950а; Базалийский, Туркин и др., 2001). В сопроводительном инвентаре первого из них отмечен круглодонный сосуд, украшенный характерным для позднего бронзового века орнаментом (ногтевые зацепы). В детском погребении № 22 (1948 г.) Фофоновского могильника найден бронзовый кинжал карасукского типа (Окладников, 1950а), а в захоронениях Тальского могильника – лапчатая подвеска, бляшки андроновидно-карасукского типа и кольца с раструбом на концах из бронзы.

Основываясь на этих аналогиях, мы склонны отнести комплекс погребения № 13 могильника Улярба к позднему бронзовому веку и датировать его X-VIII вв. до н.э.

По погребению № 13 могильника Улярба получена радиоуглеродная дата - 3890±40 (ГИН-4475) л.н. (Мамонова, Сулержицкий, 1989). Это определение входит в противоречие с данными археологии и стратиграфическими наблюдениями.

4. Комплекс погребений с трупом помещением сидя в скорченной позе (шумилихинская группа)

Комплекс представлен пятью захоронениями (№ 7, 20, 30, 33, 40). Преобладают кольцевые надмогильные конструкции овальной - 2 (размеры 4 x 5 м) или округлой – 2 (диаметр 5 м) формы, выложенные из плит породы в несколько слоев (рис.19 –1). Два погребения (№ 7, 30) грабленые в древности. Кладка погребения № 33 состояла из мелких разрозненных плит. Ее размеры 3,2 x 4,8 м.

Могиленные ямы - округлые, размерами: 0,5-1,2 x 0,6-1,5 м. Их глубина 0,7-1,0 м (рис.19 –3). В двух случаях под кладками зафиксированы следы кострищ (№ 20 и 30).

Трупом помещением – сидя в скорченной позе (рис.19 –4). Все захоронения этой группы индивидуальные. В погребениях № 33 и 40 отмечены отдельные пятна охры (на костяке и на инвентаре соответственно).

Сопроводительный инвентарь располагался, в основном, у стоп покойных. Наиболее богатое по количеству и номенклатуре инвентаря - захоронение № 40, в котором зафиксированы изделия из меди (бронзы -?). В погребении № 33 отмечены пятна окиси меди.

Изделия из металла (бронза -?) представлены обломком трубочки (рис.20 –13) и мелкими бляшками.

Комплекс инвентаря из камня составляют: шлифованные топор и тесловидное орудие из зеленого нефрита (рис.20 –11), ножи-бифасы листовидной формы (рис.20 –15), наконечник копья с вытянутым жалом и овальной расширенной базой (рис.20 –6), вкладыши-бифасы, наконечник стрелы вытянутой формы со слегка вогнутой базой (рис.20 –4), концевые и округлые скребки (рис.20 –1-3, 5, 10), ножи с краевой ретушью.

В числе орудий из кости: обломок ложки с плоским резервуаром, игольник (рис.20 –8), игла (рис.20 –9) и остря.

Украшения: диски из светлого нефрита (рис.20 -14), подвески из зубов марала (рис.20 –7).

По типологии сопроводительного инвентаря и элементам погребального обряда (в частности, трупопомещению) захоронения следует сопоставить с шумилихинской группой позднего бронзового века Прибайкалья (Горюнова, 1992, 1996а).

5. Комплекс серовских погребений

Состоит из шести захоронений (№ 25-28, 39, 41). Надмогильные сооружения (рис.21 –1): сплошные – 5 (№ 25-28, 41) и одно кольцевое (№ 39). Последнее захоронение разрушено в древности. Формы кладок: округлые – 3 (диаметр 4-5 м) и овальные – 3 (размеры 2,6-4,0 х 3,2-4,9 м). Они сложены из плит породы, в несколько слоев. Ориентация надмогильных сооружений по линии СЗ – ЮВ.

Могильные ямы овальной формы, вытянутые по линии СЗ – ЮВ. Их размеры: 1,75-2,0 х 0,7-0,8 м, глубина 0,6-0,7 м (исключение – погребение № 26, глубина которого – 0,3 м).

Трупоположение погребенных единообразное – вытянутое на спине, головой на СЗ (рис.21 –2). Преобладают индивидуальные захоронения; встречено одно двойное, ярусное (№ 28). Ориентация и трупопомещение костяков в последнем погребении единообразные (головой на СЗ).

Для обряда характерно: наличие берестяного покрытия покойного и разведение над ним «очистительного» огня. В ярусном захоронении (№ 28) действию огня подвергался только верхний погребенный. Как правило, огнем обрабатывали верхнюю половину туловища. В погребении № 28 обожжены и кости ног. В трех захоронениях (№ 25, 39, 41) покойные действию огня не подвергались. Эти могилы выделяются и отсутствием сопроводительного инвентаря. Костяк из погребения № 25 принадлежал мужчине в возрасте около 50 лет, № 39 – молодому субъекту, № 41 – подростку.

Сопроводительный инвентарь располагался, как правило, в головах и у пояса покойного. Количество предметов в погребениях различно. Наиболее богатое по набору инвентаря захоронение № 27.

В двух могилах (№ 26 и верхний ярус № 28) в набор инвентаря входили керамические сосуды, которые располагались в головах погребенных.

Определить пол и возраст последних не представляется возможным в связи с плохой сохранностью костяков.

В наборе сопроводительного инвентаря отмечены гладкостенные круглодонные сосуды, украшенные по верхней поверхности венчика насечками. По тулову одного из сосудов нанесены парные вертикальные линии штамповых вдавлений (рис.22 –8-9). Изделия из камня представлены: пришлифованным топором (сечение – прямоугольное) из глинистого сланца (рис.22 –7), шлифованным теслом из сланца и топором из зеленого нефрита (рис.22 –5-6), ножами-бифасами (рис.22 –1-2), шлифованными ножами из сланца и зеленого нефрита (рис.22 –4). Изделия из кости: обломок плоской обоймы с одним боковым пазом (рис.22 –3), острие и подвески из зубов марала.

Захоронения по элементам погребального комплекса и типологии инвентаря аналогичны позднесеровским погребениям Приольхонья: Сарминский Мыс, Хужир-Нугэ VI, Елга III, Шаманский Мыс № 3 (1975 г.) и № 1 (1976 г.) и др. (Горюнова, 1987б, 1997; Горюнова, Мамонова, 1994; Конопацкий, 1982, с.49-54), Приангарья и Верхней Лены: Пономарево № 7, 24, Усть-Долгая № 1, Верхнесередкино № 1, Серово № 9, 13, Шумилиха № 28 и др. (Окладников, 1974, с.70, 108-109; 1975, с.14, 100-103; 1976, с.82-83; Савельев, Михнюк и др., 1981, с.13; Задонин, Дзюбас и др., 1996, с.103-104). Серия радиоуглеродных дат по серовским погребениям Приольхонья определяет их возраст в интервале 4590 – 4300 л.н. (Конопацкий, 1982; Горюнова, 1997).

Сопроводительный инвентарь погребений находит аналогии с комплексами поселений развитого неолита: II слой Итырхея, IX слой Улан-Хады (Горюнова, Савельев, 1990; Грязнов, Комарова, 1992). Абсолютные даты по этим слоям: 4485 ± 45 (СОАН-1585) л.н. – II слой Итырхея, 4560 ± 100 (JЕ-1282) л.н. и 4030 ± 115 (СОАН-3335) л.н. – IX слой Улан-Хады (Горюнова, Воробьева и др., 1996). Тем самым данные археологии, геологии и абсолютного датирования не противоречат друг другу.

* * *

В целом, по особенностям погребальных комплексов, набору и типологии сопроводительного инвентаря на могильнике Улярба нами выделены четыре культурно-хронологические группы, датируемые неолитом – бронзовым веком. По двум из них имеются радиоуглеродные определения:

комплекс с трупопомещением на спине с согнутыми ногами и оберткой берестой (мухорская группа позднего бронзового века) – 3890 л.н.;

позднеглазковский комплекс (развитый бронзовый век) – 3840 - 4290 л.н.

Эти определения не согласуются с относительным датированием этих комплексов и выглядят несколько удревленными.

В позднеглазковском комплексе развитого бронзового века могильника Улярба отмечено большое разнообразие погребальных обрядов, существовавших в одном хронологическом срезе. Объяснить эти отличия культурными или этническими различиями в настоящее время не представляется возможным.

Глава III. МОГИЛЬНИК САРМИНСКИЙ МЫС

1. Общая характеристика

Древний некрополь расположен в Ольхонском районе Иркутской области, в 190 км к СВ от г. Иркутска и в 0,8 км к ЮЗ от пос. Сарма (рис.1). Он находится на одноименном мысе, ограничивающем с северо-востока Хужир-Нугайский залив (СЗ побережье Малого моря оз. Байкал).

Могильник открыт Маломорским отрядом КАЭ ИГУ (О.И. Горюнова) в 1985 г. Исследован тем же отрядом КАЭ ИГУ в 1986–1987 гг. (Горюнова, 1987а, 1988; Абдулов, .., Горюнова и др., 1988). Памятник хронологически разновременный. Всего вскрыто 33 искусственных сооружений из плит породы (Горюнова, Свинин, 1996). В их числе: 26 погребений периода неолита – бронзового века и 7 ритуальных (жертвенных) кладок (№ 3, 5, 7, 14-16, 18).

Антропологические определения выполнены Н.Н. Мамоновой (Горюнова, Мамонова, 1994; Мамонова, 1997; Горюнова, Новиков и др., 1998); палеонтологические – Н.Д. Оводовым. Радиоуглеродное датирование проведено Л.Д. Сулержицким и Л.А. Орловой по костным образцам от погребенных, по бересте и углю (являющихся составной частью обряда захоронения), взятых непосредственно из могил.

Захоронения размещались в межгрядовых понижениях разных террасовидных уступов южного и юго-западного склонов мыса, на высоте от 21 до 52 м над уровнем Байкала (рис.23). Протяженность могильника: по линии СЗ – ЮВ – 170 м, ЮЗ – СВ – 120 м. Стратиграфический разрез в месте раскопок представляется следующим:

- 1) почвенно-растительный горизонт (мощность 3-4 см);
- 2) темная гумусированная супесь (мощность 16-19 см);
- 3) желтая щебенистая супесь (мощность до 35 см);
- 4) скальник.

Могильник грунтовый. Все захоронения находились под каменными надмогильными кладками, заложенными в слое темной гумусированной супеси.

По особенностям элементов погребальных комплексов и типологии сопроводительного инвентаря выделяются две культурно-хронологические группы захоронений, датируемые неолитом (13) и бронзовым веком (13).

2. Комплекс позднеглазковских захоронений

Погребения располагались двумя основными группами, на разных террасовидных уступах (рис.23). Наибольшая концентрация детских захоронений (или кенотафов) отмечена в северо-восточном конце могильника (выше по склону).

Все захоронения – 13 (№ 2, 4, 9-10, 12-13, 21, 25-28, 32-33), находились под овальными надмогильными сооружениями, выложенными из плит породы в несколько слоев (рис.24 -1). В момент обнаружения часть кладок имела вид кольцевых – 7 (№ 2, 9-10, 13, 21, 25, 28) и сплошных – 6 (№ 4, 12, 26-27, 32, 33) конструкций. Все захоронения с кольцевыми сооружениями – грабленные в древности, вероятно, их современниками (в момент ограбления еще не все связки разложились). Возможно, первоначальная конструкция этих кладок так же сплошная. Размеры сооружений: 3,0-4,0 х 3,0-5,6 м (7) и 1,2-2,3 х 1,8-3,8 м (6). Их ориентация различна: по линии ЮЗ - СВ (7), 3 - В (2 - № 21, 32) и СЗ - ЮВ (4 - № 12-13, 26, 28).

Практически во всех погребениях зафиксированы остатки внутримогильных перекрытий из плит породы (рис.24 -2); в погребении № 4 их отмечено два. Могила № 10 ограничена с СВ (в ногах) вертикальной плитой. В погребениях № 25-26 – зафиксирована облицовка длинных стенок могилы плитами породы. В первом случае плиты отмечены и на дне ямы.

Могильные ямы (глубина 0,40-0,60 м от современной дневной поверхности) в плане – овальной формы, ориентированные, в основном, по линии ЮЗ-З – СВ-В; три могилы – по линии СЗ – ЮВ (№ 26-28).

Все захоронения – индивидуальные. Трупопомещение единообразное – вытянутое на спине, головой на ЮЗ (рис.24 -3). Исключение составляет погребение № 21, ориентированное на запад. В захоронениях № 26-28 (конструкции не грабленные) следов погребенных не зафиксировано. Судя по размерам могильных ям (1,0-1,2 х 0,6 м), вероятно, это захоронения (или кенотафы) детей до 1 года. Они отличаются от других погребений ориентацией (по линии СЗ - ЮВ). На могильнике Сарминский Мыс детей хоронили отдельно от взрослых.

В четырех погребениях (№ 2, 4, 21, 32) отмечено использование в обряде действия огня: в двух первых из них – наличие зольных пятен непосредственно над могильной ямой, под плитами внутримогильного перекрытия, в двух последних – обожжены отдельные кости (№ 21 – черепа, № 32 – нижнего отдела позвоночника).

Сопроводительный инвентарь укладывался в области головы, верхней половины туловища и пояса. Часто инвентарь располагался компактной группой, вероятно, находясь в какой-то сумке.

Количество предметов в погребениях различно. В четырех захоронениях инвентарь отсутствовал (№ 9 и 21 – грабленные, № 26 и 27 – возможно, захоронения детей до 1 года). Выделить характерный инвентарь для мужских и женских погребений в настоящее время не представляется возможным в связи с отсутствием достоверно мужских захоронений.

погребение № 12, принадлежащее женщине старческого возраста, отличалось от других захоронений обилием и составом сопроводительного инвентаря (обломок ножа из меди, костяные подвески в виде рыбко-широколобок, вероятно, культового назначения, ложка и др.).

Сопроводительный инвентарь представлен: обломком ножа из меди (рис.25 -2), шлифованными топорами и теслами из зеленого нефрита (рис.26 -2-3), концевыми скребками на пластинчатых сколах (рис.25 -3-4), шлифованными ножами из зеленого нефрита (рис.25 -5-6), листовидным наконечником стрелы со слегка выпуклой базой (рис.25 -1), проколками и сверлами из кремня (рис.25 -7), пластинчатыми сколами с двукраевой дорсальной ретушью (рис.25 -8), галькой-отбойником и пластинчатыми сколами. В числе изделий из кости и рога: односторонние гарпуны с небольшим выступом в основании (рис.25 -10), цельнорезный крючок с жалцем (рис.27 -12), ложка с длинной рукоятью и объемным резервуаром (рис.26 -1), иглы (рис.27 -5, 8) и острия (рис.25 -9, 11).

Набор украшений - стандартный для бронзового века Прибайкалья: диски из светлого нефрита и мрамора - № 2, 4, 33 (рис.27 -6-7, 9, 11) и подвески из зубов марала (рис.27 -1-2). В погребении № 12 найдены: «луновидная» подвеска из темного нефрита (рис.27 -10) и две костяные подвески в виде рыбок, изображающих ширококолобок (рис.27 -3-4).

Широкая округлая голова плавно переходит в сужающееся к хвосту тулово. По бокам и спине рыбок нанесены зарубки, вероятно, изображающие плавники. Глаза показаны небольшими углублениями, расположенными в одной плоскости. Фигуры отличаются своими размерами. В хвосте меньшей из них (рис.27 -4) отмечено частично обломанное отверстие, вероятно, для подвешивания.

В двух захоронениях зафиксированы кости животных: челюсть щуки и кости птиц (№ 12), лапка зайца (№ 33). Кости последней находились в анатомическом порядке.

В целом, форма и конструкция надмогильных сооружений, трупоположение и ориентация погребенных, набор и типология сопроводительного инвентаря могильника Сарминский Мыс характерны для глазковских захоронений Прибайкалья (Окладников, 1955). Наибольшее сходство отмечается с комплексами развитого бронзового века Приольхонья: Шаманский Мыс № 1 и 2 (1972 г.), № 1 (1975 г.), Улан-Хада II № 3, Улан-Хада I нижний культурный слой и др., датируемые XVI-XI вв. до н.э. (Конопацкий, 1982; Комарова, Шер, 1992; Горюнова, 1984, 1992; Горюнова, Хлобыстин, 1992; Горюнова, Воробьева, 1986, 1993).

Косвенным подтверждением этой датировки является наличие в комплексе «луновидной» подвески из нефрита, аналогичной изделиям из сланца кротовской культуры (развитый бронзовый век) Западной Сибири (Молодин, 1985, с.43-44), что говорит об их эпохальном сходстве.

По пяти погребениям бронзового века могильника Сарминский Мыс получено 6 абсолютных дат, хронологического охвата от 6520 до 3710 л.н.:

№ 33 – 6520 \pm 130 (ГИН-6839) л.н. и 4240 \pm 120 (СОАН-3767) л.н.,

№ 13 – 4740 \pm 70 (СОАН-3765) л.н.,

№ 21 – 4140 \pm 55 (СОАН-3766) л.н.

№ 12 – 3960 \pm 50 (ГИН-5605) л.н.

№ 10 – 3710 \pm 50 (ГИН-6844) л.н.

Разброс дат очень велик, однако, компактное расположение захоронений на могильнике, тождество элементов погребального комплекса, типологии и набора сопроводительного инвентаря дают нам основание считать эти погребения хронологически одновременными и синхронизировать их (по типологии инвентаря) с комплексами развитого бронзового века Прибайкалья (Горюнова, Новиков и др., 1998; Новиков, 1998).

Если отнестись к полученным датам не критически, то следует признать, что могильник бронзового века на Сарминском мысе существовал примерно 3 тыс. лет без каких-либо изменений в погребальной практике и, судя по датам, являлся хронологически одновременным китойским, исаковским и серовским неолитическим захоронениям Прибайкалья (Мамонова, Сулержицкий, 1989; Горюнова, 1997), что не соответствует историческому ходу событий. Разница радиоуглеродных определений по одному погребению № 33 составляет 2280 лет. Таким образом, полученные даты вызывают сомнение и выглядят сильно удревленными.

3. Комплекс серовских погребений

Большинство захоронений этой группы (9 из 13) располагались «цепочкой» в один ряд, по линии ЮЗ – СВ (рис.23). Причем пять из них (№ 29-31, 11, 19) – коллективные, группировались рядом друг с другом.

Все погребения - 13 (№ 1, 6, 8, 11, 17, 19-20, 22-24, 29-31), находились под каменными надмогильными сооружениями овальной формы (рис.28 – 1). Их конструкция – кольцевая. Плиты, составляющие кладку, уложены в несколько слоев, плотно друг к другу. Размеры сооружений: 2,1-3,7 x 3,5-5,0 м.

Внутримогильные перекрытия состояли из более мелких плит породы. В погребении № 30 отмечены две могильные ямы с индивидуальными внутримогильными перекрытиями, которые располагались под общей надмогильной кладкой («соседские» погребения). Одна из этих могил – индивидуальная, вторая – коллективная (три человека: взрослый и двое детей).

Могильные ямы – овальной формы, глубиной – 0,30-0,68 м от современной дневной поверхности. В захоронениях № 1 и 11А в головах

погребенных установлены вертикальные плиты. В двух могилах (№ 1, 6) на дне отмечены вымостки из плит породы.

Трупоположение серовских погребений единообразное – вытянутое на спине, головой на С-СЗ (рис.28 –2-3). В коллективных и двойных захоронениях ориентация покойных единообразная.

Для погребальной практики характерно использование берестяного покрытия покойных и «очистительного» огня, разводимого непосредственно в могильной яме на уровне груди и тазовых костей умерших. В коллективных и двойных захоронениях берестяное покрытие и кострище фиксируется в верхнем ярусе. Действию огня не подвергалось только погребение № 22. В нем отмечено и отсутствие сопроводительного инвентаря.

В погребении № 11В (нижний ярус) встречены отдельные пятна охры на черепе усопшего.

По количеству погребенных в одной могильной яме выделяются индивидуальные – 8 (рис.28 -3) и коллективные – 5 (рис.28 -2) захоронения. Из индивидуальных погребений: 5 принадлежат взрослым (№ 1, 8, 17, 22-23), 1 – юноше (№ 24), 2 – разрушены; отдельно детских захоронений (менее 13 лет) нет (Горюнова, Мамонова, 1994; Горюнова, 1997).

Особенность коллективных погребений составляет ярусное размещение покойных в захоронениях (5 могил с общим количеством погребенных 21). Судя по контурам могильных ям, порядку расположения костяков в них и особенностям элементов погребального комплекса (покрытие верхнего ряда погребенных берестой и разведение «очистительного» костра) захоронение в каждой коллективной могиле совершалось одновременно (исключением могут являться «соседские» погребения А и В № 30).

Преобладают тройные захоронения (3). В последних отмечается два варианта размещения покойных: в три яруса по одному индивидууму, перекрывающему один другого – 2 (№ 29, 30В); в два яруса: нижний – индивидуальный, поверх которого укладывали рядом друг с другом еще двух погребенных – 1 (№ 31). В погребении № 29 между каждым ярусом зафиксированы каменные перекрытия.

В захоронении № 19 отмечено 5, а в захоронении № 11 – 6 погребенных. В последнем случае один покойный - № 11В (нижний), отделен от пяти верхних (№ 11А) каменным перекрытием. Действию огня подвергались и нижний, и верхний ярусы. Пять костяков верхнего яруса могилы № 11 располагались в том же порядке, что и костяки в могиле № 19 (в западной половине могилы – в два яруса, в восточной – в три).

В размещении покойных в коллективных захоронениях наблюдается определенная закономерность: взрослые индивидуумы располагались внизу, детские – сверху.

По половозрастному составу коллективные погребения подразделяются на совместные захоронения взрослых и детей – 4 (№ 11, 19, 29, 30В) и совместные захоронения взрослых – 1 (№ 31) (Горюнова, Мамонова, 1994).

Анализ распределения взрослых погребенных по полу и возрасту позволяет говорить, что количество мужских захоронений преобладает над количеством женских. Среди детских и юношеских погребений 3 принадлежало людям юношеского возраста, 3 – детям второго детства и 2 – детям первого детства. В могилах четко выражены различия в распределении детских и юношеских костяков между индивидуальными и коллективными погребениями (отмечается отсутствие отдельных детских захоронений).

Средний возраст смерти мужчин, подсчитанный Н.Н. Мамоновой, составлял 37,8-38,8 лет, женщин – 34,5 лет, что определяет среднюю продолжительность жизни взрослых в 34-35 лет. С учетом детской смертности продолжительность жизни серовцев определяется в 26,6-27,1 года (Горюнова, Мамонова, 1994). Сходные цифры были подсчитаны ранее Н.Н. Мамоновой и для неолитических могильников Приангарья.

Интересно отметить в погребении № 19 Сарминского Мыса отсутствие черепа у одного из покойных, обнаруженного в нижнем ярусе коллективного захоронения. Костяк принадлежал женщине зрелого возраста. Захоронение обезглавленных покойных часто встречается в китойских могильниках Прибайкалья (Мамонова, Базалийский, 1991), в серовских же комплексах встретилось впервые.

Сопроводительный инвентарь укладывался в могилы в районе головы, возле рук, в области пояса и в ногах покойного. Количество предметов в погребениях различно. Часто в набор инвентаря входили керамические сосуды (в 7 из 13 исследованных захоронений); связаны они, как правило, с мужскими индивидуумами. В могиле № 17 зафиксированы костяные обкладки составного лука, который располагался вдоль левой стороны погребенного (покойный – мужчина). Выявить характерный инвентарь для женских и детских захоронений не удалось. В погребении № 22 (женское) сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Ансамбль инвентаря серовских погребений представлен керамическими сосудами, изделиями из камня и кости.

Наиболее часто встречается глиняная посуда (в 7 из 13 исследованных захоронений: № 1, 11В, 17, 19, 29-31). Всего зафиксировано 17 сосудов. Преобладают горшки сложной, закрытой формы с круглым или приостренным дном (рис.29). Простые формы (без выделения венчика) встречаются реже. Поверхность сосудов, в основном, гладкостенная; встречается с негативами сетки-плетенки (рис.29 –7) и с оттисками штрихов. Посуда с различным техническим декором фиксируется в ряде погребений совместно, что свидетельствует о ее одновременном существовании.

Преобладает орнаментированная посуда (11 из 17 сосудов). Все узоры нанесены на гладкостенной керамике. Орнамент занимает верхнюю часть тулова сосуда, в то время, как нижняя остается без украшения. На всей исследованной керамике орнамент, заполняющий сосуд, выполнен одним штампом; применение различных штампов при оформлении одного сосуда не встречено.

По технике нанесения орнамента выделяются группы, выполненные: штамповыми вдавлениями (прямоугольными, в вертикальном положении; ямочками; двузубчатыми; полуовальными), «пунктиром» и прочерченными линиями.

Преобладают простые композиции орнамента, состоящие из одного мотива. Доминирует мотив - горизонтальная линия, проходящая в один или несколько рядов (рис.29 -2-4). Мотив вертикальных коротких линий встречен на одном сосуде (рис.29 -6). Единичными случаями представлены так же мотивы: горизонтальный зигзаг (рис.29 -8), ромбическая решетка (рис.29 -1) и «елочное» построение (рис.29 -5).

Сложная композиция отмечена на двух сосудах (№ 29, 30). Она состоит из сочетания горизонтальных линий с «бахромкой» в виде парных наклонных линий, свисающих от последнего ряда (рис.29 -9), или линий, расходящихся под углом друг к другу.

Все выявленные орнаментальные группы находят аналогии в серовских комплексах захоронений Прибайкалья. Керамика с «пунктирной» и прочерченной орнаментацией широко встречается в позднесеровских комплексах Приольхонья: Хужир-Нугэ VI № 4, Шракштура II № 2, Елга III № 3, Шаманский Мыс № 3 (1975 г.), Халуриинский Мыс № 2 (Горюнова, 1997; Конопацкий, 1982) и Приангарья: Подострожное-Городище, Верхнесередкино № 1, Усть-Долгая № 1, Серово № 12, 13, Пономарево № 24 (Окладников, 1975, с.14, 61, рис.23, с.102, рис.27, 28; 1976, с.82-83; 1974, с.109, рис.15). Их сближают: техника нанесения орнамента, мотивы и композиционное построение узоров.

Основным поделочным материалом для изготовления каменных орудий является кремень; распространены изделия из сланца, зеленого нефрита и кварцита. Встречаются орудия из халцедона. Многочисленны бифасиально обработанные орудия (наконечники стрел, ножи, вкладыши) и шлифованные изделия (ножи, топоры и тесла из сланца и зеленого нефрита, рыба-приманка).

Изделия из камня представлены: ножами, наконечниками стрел, топорами и теслами, сверлами (рис.30 -9-10) и проколками, резцами (преобладают угловые) на призматических пластинах (рис.30 -6-7), концевыми (реже боковыми) скребками на пластинчатых сколах (рис.30 -8), гальками-отбойниками, абразивами из крупнозернистого песчаника, зооморфной скульптурой малых форм, сколами и призматическими пластинами с ретушью, отщепами.

Ножи: шлифованные из зеленого нефрита и сланца (рис.30 -11), бифасы подтреугольной формы (рис.30 -12) и ножи с краевой ретушью на пластинчатых сколах.

Все эти формы широко встречаются в неолитических комплексах Прибайкалья, причем первые из них продолжают бытовать и в бронзовом веке.

Наконечники стрел представляют наиболее многочисленную группу (15 из 4 захоронений). Преобладают черешковые (рис.30 -1, 3-4) и с прямой базой (рис.30 -5); в меньшем количестве - с вогнутой базой и симметричными шипами (рис.30 -2). В единичных экземплярах – наконечник с округлой базой и ромбовидный.

Черешковые наконечники и стрелы с вогнутой базой и симметричными шипами являются характерными для серовских погребений Прибайкалья (Окладников, 1950б, с.267), в то время, как с прямой базой принято считать типичными для глазковской культуры раннего бронзового века (Окладников, 1955).

Шлифованные тесла и топоры изготовлены из зеленого нефрита и сланца (рис.30 -13-14). Обушок изделий – широкий, притупленный. Сечение – прямоугольное. Подобное сечение тесел и топоров характерно для всех серовских захоронений Прибайкалья и является культурно-хронологическим показателем (Окладников, 1950б, с.203).

Зооморфная скульптура малых форм представлена: обломком сигообразной рыбки-приманки (№ 30) и стилизованным изображением скульптуры-личины (№ 11В).

Рыбка выполнена в реалистической манере; тщательно оформлены голова, спинной и брюшной плавники (рис.31 -2). Ее хвост обломан. В районе спинного плавника расположено одно отверстие, по брюшку – два.

Скульптурные изображения сигообразных рыб являются характерными для серовских комплексов захоронений Прибайкалья (Окладников, 1936, с.220; 1950б, с.242-250; Студзицкая, 1972, с.6; 1976, с.76-77), их сближает единая манера и техника передачи образа.

Зооморфная скульптура-личина напоминает собой растянутую шкуру медведя (рис.31 -6). Она изготовлена из плоской плитки сланцевой породы. Верхний конец изделия (более широкий) разделен на три части глубокими симметричными выемками. Боковые из них, на наш взгляд, изображают вытянутые вверх передние лапы животного, средняя – его голову. По верху головы и боковым сторонам изделия нанесены насечки, образующие зубчатый край. Нижний конец скульптуры оформлен глубоким фигурным вырезом, образующим в центре мысовидный выступ. Тем самым древний художник выделил задние лапы и небольшой хвост животного. На поверхности скульптуры отмечено 4 отверстия: два – в верхнем конце изделия, одно – в центре и последнее – в районе живота животного. Отверстия, расположенные подобным образом, напоминают личину (глаза,

нос и рот). Вероятно, это изделие крепилось к одежде. В настоящее время аналогов данному изображению не имеется. Образ медведя, представленный скульптурой из погребения № 11В Сарминского Мыса, в серовских комплексах отмечен впервые и является уникальным.

Костяной инвентарь из серовских захоронений немногочислен; в его составе: иглы и игольники (рис.31 -3, 5), остря (рис.31 -7), обкладки лука (рис.31 -8) и обломки обработанной кости.

Костяные обкладки лука (№ 17) представляют собой односторонне-выпуклые пластинки шириной до 1,5 см (рис.31 -8). Подобные изделия являются характерными для серовских комплексов Прибайкалья (Окладников, 1950б, с.267).

Набор украшений, зафиксированный в исследуемых захоронениях, - подвески из зубов марала (рис.31 -1), типичен для всех культур неолита и бронзового века Прибайкалья.

В целом, ансамбль каменного, костяного и керамического инвентаря исследуемых погребений по номенклатуре и типологии аналогичен серовским комплексам захоронений Приангарья (Окладников, 1950б, с.267), что говорит о их культурном единстве. Устойчивый набор характерных изделий позволяет отнести эти комплексы к поздней стадии серовской культуры Прибайкалья, выделенной А.П. Окладниковым (1976, с.82).

Сравнивая инвентарь позднесеровских захоронений Сарминского Мыса с комплексами стратифицированных многослойных поселений Приольхонья, стало возможным провести их корреляцию и синхронизацию с материалами развитого неолита: IX слой (Г1 – по М.П. Грязнову, М.Н. Комаровой) Улан-Хады, V-III слои Берлоги, III слой Саган-Забы, II-I слои Кулары III, IV-II слои Итырхея, III-II слои Бурлюка I и др. (Хлобыстин, 1964; Горюнова, 1984, 1990, 2001; Горюнова, Воробьева, 1986; Горюнова, Савельев, 1990, с.132; Горюнова, Хлобыстин, 1992, с.43-45; Горюнова, Красавцев и др., 2000; Грязнов, Комарова, 1992). Их сближают: форма и технический декор глиняной посуды; орнаменты на керамике, состоящие из геометрических построений штамповых вдавлений, «пунктирных» и прочерченных линий; каменный и костяной инвентарь: наконечники стрел с черешком, с вогнутой базой и симметричными шипами; ножи-бифасы асимметрично-треугольной формы; шлифованные пластинчатые ножи, тесла и топоры из зеленого нефрита и сланца; рыбки-приманки сигообразных форм (Горюнова, 2001).

По комплексам поселений развитого неолита имеется серия радиоуглеродных определений: Итырхей IV слой – 4740 ± 155 (СОАН-3342) л.н., II слой – 4485 ± 45 (СОАН-1585) л.н., Улан-Хада IX слой – 4560 ± 100 (ЛЕ-1282) л.н. и 4030 ± 115 (СОАН-3335) л.н., Кулара III I слой – 5290 ± 15 (СОАН-4010) л.н., Саган-Заба III слой – 6000 ± 40 (СОАН-1572) л.н., а по образцу, взятому преимущественно из нижнего слоя Саган-Забы (ниже III слоя), –

5160 \pm 55 (СОАН-1376) л.н. (Горюнова, Воробьева и др., 1996; Конопацкий, 1982).

Основываясь на данных геологии, палеопедологии, палинологии, радиоуглеродного датирования и чисто археологических методов, мы склонны датировать слои развитого неолита Приольхонья в пределах 5,5 (5,0)-4,3 тыс. л.н. (Горюнова, 1984, 2001; Горюнова, Воробьева, 1986; Горюнова, Хлобыстин, 1992).

По шести серовским погребениям Сарминского Мыса получено 12 радиоуглеродных дат в пределах 5500 - 3300 л.н.:

№ 1, уголь - 4330 \pm 40 (ГИН-5837) л.н.,

№ 8, жженая кость - 3370 \pm 80 (ГИН-5839) л.н.,

№ 11А, кость - 3300 \pm 150 (ГИН-6842) л.н.,

№ 11В, кость - 5500 \pm 400 (ГИН-5599) л.н.,

№ 11В, береста - 4430 \pm 40 (ГИН-5598) л.н.,

№ 19, уголь - 4440 \pm 50 (ГИН-5838) л.н.,

№ 19, кость - 4410 \pm 100 (ГИН-5600) л.н.,

№ 19, береста - 5070 \pm 130 (ГИН-5601) л.н.,

№ 29, кость - 5220 \pm 140 (ГИН-6843) л.н. и 3840 \pm 290 (ГИН-5602) л.н.,

№ 30, уголь - 4420 \pm 40 (ГИН-5603) л.н.,

№ 30, береста - 4400 \pm 40 (ГИН-5604) л.н.

Обращает на себя внимание большое количество невалидных дат. Из 12 определений - шесть образуют компактную группу в пределах 4440 - 4330 л.н., три даты в сравнении с ними удревлены и три - омоложены. Значительные расхождения дат отмечаются по образцам, полученным из одного погребения. Так, дата по захоронению № 19 (береста) не соответствует двум другим определениям по этому же погребению (последние близки между собой). Разрыв между определениями по погребению № 29 составляет 1380 лет (обе даты получены по кости), а по погребению № 11В - 1070 лет. Повторное датирование ряда захоронений дало результаты, соответствующие компактной группе дат по серовским захоронениям. Сильно «отскочили» в сторону омоложения даты по погребениям № 8 и 11А. По возможности их следовало бы передатировать.

В целом, анализ полученных дат по позднесеровским захоронениям Сарминского Мыса (одновозрастных по археологическим данным) дает компактную группу дат в интервале 4440 - 4330 л.н. Отдельные «отскочившие» даты возможно отбраковать по статистическим соображениям до их повторного датирования.

*

*

*

На могильнике Сарминский Мыс по особенностям погребальной практики и типологии сопроводительного инвентаря выделено два

культурно-хронологических комплекса захоронений: позднеглазковский и серовский. По обоим из них получены радиоуглеродные определения:

позднеглазковский комплекс – 6520 - 3710 л.н. (если отбросить крайнюю дату, как явно неверную, то 4740 - 3710 л.н.);

серовский комплекс – 4440 - 4330 л.н.

Сравнивая эти даты между собой, можно прийти к выводу, что глазковская культура бронзового века существовала раньше серовской, затем развивалась параллельно ей и продолжала бытовать в более позднее время. При этом она не оказывала никакого влияния на серовскую культуру, да и сама, развиваясь более 1000 лет, не подвергалась изменениям. Подобный вывод, по крайней мере, абсурден. В связи с тем, что даты по серовскому комплексу погребений соответствуют данным, полученным другими методами (в то время как глазковские им противоречат), считаем определения по бронзовому веку не соответствующими действительности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предлагаемой работе рассматриваются культурно-хронологические комплексы неолита – бронзового века трех могильников Прибайкалья: Шумилиха, Улярба, Сарминский Мыс. Материалы выделенных комплексов с одного могильника коррелируются по элементам погребальной практики и типологии сопроводительного инвентаря с подобными комплексами других некрополей. В результате определилось 7 культурно-хронологических групп погребений, объединенных единством признаков. Практически все из них (кроме шумилихинского и китойского комплексов) коррелируются и синхронизируются с материалами опорных стратифицированных многослойных поселений Прибайкалья и, прежде всего, с Улан-Хадой. В связи с этим их периодизация представляется следующей:

поздний бронзовый век (I верхний слой Улан-Хады) – мухорский комплекс;

развитый бронзовый век (I нижний слой Улан-Хады) – позднеглазковский;

ранний бронзовый век (II–VII слои Улан-Хады) – глазковский;

развитый неолит (IX слой Улан-Хады) – серовский;

ранний неолит (X слой Улан-Хады) – исаковский.

Последовательность этих комплексов не вызывает сомнений. Дискуссию вызвали шумилихинский и китойский комплексы (Харинский, Сосновская, 2000; Конопацкий, 1982; Георгиевская, 1989; Мамонова, Сулержицкий, 1989; Мамонова, Базалийский, 1991), поэтому на них мы остановимся несколько подробнее.

Шумилихинский комплекс – объединяет погребения с трупопомещением сидя в скорченной позе. Кроме основной группы захоронений Шумилихи и Улярбы, они зафиксированы на территории Приангарья, Приольхонья и Верхней Лены: Шидэ I, Улан-Хада IV № 5а и 3а, Пономарево № 14, Ленковка № 3 (1960 г.), Усть-Белая № 2 (1957 г.), № 1, 2 (1986 г.), Усть-Ида № 19, Городище II, Обхой № 13, Макрушино и др. (Окладников, 1955, 1974; Горюнова, 1975, 1996а; Горюнова, Смотров, 1981; Горюнова, Хлобыстин, 1992; Горбунова, Пшеницына, 1992; Комарова, Шер, 1992; Савельев, Михнюк и др., 1981; Алтухов, 2001).

Трупопомещение покойных сидя в скорченной позе известно в широком культурном и территориально-хронологическом диапазоне Северной Евразии (Хлобыстина, 1991). Единичные захоронения встречены в памятниках энеолита и раннего бронзового века (в комплексах древнеямной и катакомбной культурных общностей). Часто подобное трупопомещение отмечается в позднеандоновских комплексах Центрального Казахстана

(конец II тыс. до н.э.) – в бегазы-дандыбаевской культуре (Хлобыстина, 1991). Аналогии погребальным комплексам находим и в памятниках Восточной Монголии, где захоронения сидя в скорченной позе датируются в пределах от позднего неолита до эпохи плиточных могил, преобладая в бронзовом веке (Окладников, Ларичев, 1968; Волков, 1975).

В целом, способ помещения покойных в могильную яму, характерный для ряда культур, преимущественно бронзового века сопредельных территорий, химический состав металла, появление втульчатых орудий, изготовление металлических изделий способом литья в закрытой форме, наличие орудий карасукского типа, знакомство со скотоводством и некоторые стратиграфические наблюдения (впускное сидячее погребение № 5а могильника Улан-Хада IV располагалось над двумя уровнями разновременных захоронений глазковской культуры бронзового века) – позволили отнести шумилихинскую группу к позднему бронзовому веку (Горюнова, Хлобыстин, 1992; Горюнова, 1996а).

Дискуссионным является вопрос о месте китойских комплексов в периодизации неолита Прибайкалья. В связи с тем, что в стратифицированных слоях поселений ранее не было зафиксировано типично китойских изделий, место последней определялось то поздним, то ранним неолитом (Окладников, 1950б; Мамонова, Сулержицкий, 1989; Мамонова, Базалийский, 1991). В последние годы в комплексах развитого неолита ряда многослойных поселений Приольхонья и Приангарья зафиксирован характерный китойский инвентарь: стерженьки составных рыболовных крючков, мраморное кольцо, пила из сланца, антропоморфная (зооморфная - ?) скульптурка на костяном стерженьке, рыбка-приманка из плоской гальки, ложки с зооморфной рукоятью, топоры с ушками (Горюнова, 1984, 2001; Горюнова, Воробьева, 1986; Горюнова, Лыхин, 1989; Игумнова, Савельев и др., 2001; Савельев, Тетенькин и др., 2001). Эти изделия находились совместно с серовскими материалами, причем на ряде многослойных объектов отмечено несколько слоев, содержащих подобные культурно смешанные комплексы (Итырхей, Тышкинэ III). Сочетание материалов серовского и китойского облика в одном комплексе свидетельствует об их существовании в одном хронологическом срезе. В связи с этим считаю возможным синхронизировать серовские и китойские комплексы и говорить о их параллельном развитии. Эту мысль впервые высказал Л.П. Хлобыстин (1978), считающий, что подобное их развитие шло вплоть до раннего бронзового века.

Для определения возраста культурно-хронологических комплексов, выделенных на могильниках, нами использованы методы относительного и абсолютного датирования. Практически для каждого из них получены радиоуглеродные определения. Однако, наличие большой их серии по разным культурно-хронологическим группам захоронений каждого из могильников не дает радикальных ответов и содержит определенные

сложности (в частности, не соответствие геолого-археологических и радиоуглеродных датировок; разброс абсолютных дат внутри одного комплекса и др.), которые отмечались в предыдущих главах. В связи с этим попытаемся проанализировать сложившуюся ситуацию и сравнить имеющиеся определения между собой.

Таблица

Соотношение различных датировок по выделенным культурно-хронологическим комплексам

Комплекс	Погребения ¹⁴ C (л.н.)	Поселения ¹⁴ C (л.н.)	Относительная датировка (тыс.л.н.)
<u>Поздний бронзовый век:</u> шумилихинский мухорский	3850-4850 3890-3900	2770	2,8-3,0
<u>Развитый бронзовый век:</u> позднеглазковский	3710-4740 (6520)	3000-3620 (3800)	3,1-3,6 (3,8)
<u>Ранний бронзовый век:</u> глазковский	3750-4020 (4360)	3525-4220	3,6(3,8)-4,0
<u>Развитый неолит:</u> серовский китойский	4330-4440 4380-6370	4485(4030)-5290	4,3-5,5
<u>Ранний неолит:</u> исаковский	4500-5200	5495-5700	5,5-6,5
<u>Финальный мезолит</u>		6525	6,5-7,0

Относительное датирование комплексов основано на чисто археологических (анalogии с комплексами погребений и поселений Прибайкалья и сопредельных территорий, уровень бронзолитейного производства и др.) и геостратиграфических методах. Если сравнивать относительную датировку с полученными радиоуглеродными определениями по соответствующим им слоям поселений (в таблице использованы преимущественно материалы серии многослойных стратифицированных поселений Приольхонья) – наблюдается практически их полное соответствие (между собой и по вертикальной шкале). Выбивается радиоуглеродная дата по III слою поселения Саган-Заба – 6000 \pm 40 (СОАН-1572) л.н. (Конопацкий, 1982). Однако, образец, взятый преимущественно из нижнего слоя этой стоянки (т.е. ниже III слоя) - 5160 \pm 55 (СОАН-1376) л.н., что соответствует его относительному датированию. Разница между этими двумя абсолютными определениями составляет примерно 1000 лет. Объяснить некорректность даты в настоящее время не представляется возможным. В связи с этим интересно отметить противоречие радиоуглеродных определений по

многослойному поселению Усть-Хайта (Савельев, Тетенькин и др., 2001). Два образца из одного слоя дают разброс дат: Va слой – 740 лет, VI слой – 1175 лет. Отсутствие корректности полученных дат между собой и с имеющимися определениями по синхронным им комплексам опорных многослойных поселений Прибайкалья (в среднем – удревание дат примерно на 2000 лет), - вызывает сомнения и не позволяет использовать их для датирования.

Анализ абсолютных дат по комплексам погребений демонстрирует ряд несоответствий предложенной хронологии (см. табл.). Так исаковские радиоуглеродные определения выглядят несколько омоложенными в сравнении с датами поселенческих комплексов раннего неолита (разница составляет примерно 1000 лет). Даты по китойским погребениям, в основном, соответствуют раннему неолиту, однако, в материалах последних им нет аналогий. Полностью совпадают определения возраста по серовским комплексам. Даты по глазковским захоронениям Шумилихи в общем-то соответствуют представлениям о возрасте раннего бронзового века, если из двух дат по погребению № 12 ориентироваться по верхней (разница между ними 340 лет). Полное несогласие дат отмечается для комплексов развитого и позднего бронзового века. Если принять их за соответствующие действительности, то следует признать, что на территории Прибайкалья все периоды бронзового века существовали одновременно друг с другом, а так же с серовскими и частично исаковскими неолитическими культурами в течение, приблизительно, тысячи лет. Причем, все эти культуры сохраняли свои специфические признаки и не оказывали никакого влияния друг на друга. К такому абсурдному выводу пришли А.В. Харинский и Н.С. Сосновская (2000), которые построили свои умозаключения только на данных абсолютного датирования (без их критического анализа), полностью игнорируя другие материалы. Данные археологии и стратиграфические наблюдения свидетельствуют о последовательном развитии этих культур, а не о их сосуществовании. Это подтверждают также пересекающиеся и впускные погребения, например, Пономаревский могильник, где захоронение № 17 (глазково) пересекало собой более древнее погребение № 18 (серово). Аналогичная ситуация отмечена на Верхоленском могильнике между погребениями № 28 и № 29 (Окладников, 1950б, с.70, 1955, с.320, 1978), а впускное погребение № 5а (сидячее) могильника Улан-Хада IV располагалось над двумя уровнями разновременных захоронений глазковской культуры бронзового века (Комарова, Шер, 1992; Горюнова, Хлобыстин, 1992). На Тальском могильнике погребение № 9 (поздний бронзовый век) перекрывало собой китойское захоронение № 10 (Базалийский, Туркин и др., 2001), а на Фофоновском могильнике погребение № 37 (поздний бронзовый век) - позднеглазковскую могилу № 26 (Герасимов, Черных, 1975).

Из всего сказанного делаем вывод, что данные абсолютного датирования по захоронениям раннего неолита, а также развитого – позднего бронзового века Прибайкалья не соответствуют действительности.

К сожалению, в настоящее время корректных дат по бронзовому веку Прибайкалья и Забайкалья не имеется, поэтому к определениям ^{14}C в пределах бронзового века необходимо относиться с большой осторожностью и критически их оценивать. Противоречие дат другим методам изучения, досадные расхождения в их определениях для культур бронзового века (в том числе и Минусинской котловины) неоднократно отмечались рядом исследователей, объяснить которые в настоящее время не представляется возможным (Руденко, 1968; Максименков, 1975б; Константинов, Семина и др., 1989, с.118; Константинов, 1994, с.110; Горюнова, Воробьева, 1993; Горюнова, 1996а; Горюнова, Новиков и др., 1998). Повторяющийся существенный разброс дат по образцам из объектов, существовавших одновременно в археологическом смысле, неоднократно обсуждался и специалистами по радиоуглеродному датированию (Кренке, Сулержицкий, 1992). Поэтому при определении возраста объектов необходимо анализировать комплекс данных (а не только радиоуглеродные даты) и, на этой основе, предлагать их датировку.

Настоящая работа не решает всех поднятых проблем, а лишь приоткрывает отдельные сюжеты и ставит перед исследователями ряд вопросов. Дальнейшая публикация материалов могильников и особенно многослойных стратифицированных поселений неолита – бронзового века Прибайкалья помогут решить поставленные проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулов Т.А., Базалийский В.И., Бердникова Н.Е., Ветров В.М., Горюнова О.И., Дзюбас С.А., Задонин О.В., Инешин Е.М., Титов А.В., Федоренко А.Б., Харинский А.В. Исследования Иркутского университета // Археологические открытия 1986 года. – М.: Наука, 1988. – С.207-212.

Алтухов В.В. Отчет о проведении археологических раскопок на территории Макрушинского могильника в Качугском районе Иркутской области в 1992 году // Архив ИА РАН. – Р.1, [б.№]. – 23 с., 38 ил., 64 фотографии. – (Иркутск, 1993).

Алтухов В.В. Макрушинский могильник. Комплекс ранней бронзы // На стыке поколений: Материалы XI Региональной арх.-этнограф. конф. учащихся. – Иркутск: ЦДЮТиК, 2001. – С.3-15.

Базалийский В.И., Туркин Г.В., Тютрин А.А. Могильник Тальский на Южном Байкале // Каменный век Южного Приангарья. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2001. – Т.1: Иркутский геоархеологический район. – С.39-55, 73-82.

Бердникова Н.Е., Ветров В.М. Использование дерева древним человеком // Реакция растений на глобальные и региональные изменения природной среды. – Иркутск: Изд-во Twin, 2000а. – С.18-19.

Бердникова Н.Е., Ветров В.М. Новый ранненеолитический могильник в устье р. Белой (юг Байкальской Сибири) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. – Т. 1: Археология. Этнология. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000б. – С.44-50.

Богданова-Березовская И.В. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины // Новые методы в археологических исследованиях. – М.; Л.: Наука, 1963. – С.136.

Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха: Сб. науч. ст. / Изд-во Иркут. гос. ун-та; Отв. ред. В.В Свинин. – Иркутск, 1981. – 108 с.

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – 148 с.

Ветров В.М., Бердникова Н.Е., Алтухов В.В., Фролов А.В. Макрушинский могильник. Ранненеолитический комплекс // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1995. – С.112-132.

Волков В.В. Погребение в Норовлин Уула (Монголия) // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С.76-79.

Георгиевская Г.М. Китайская культура Прибайкалья. – Новосибирск: Наука, 1989. – 152 с.

Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофоновского могильника в 1959 году // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С.23-48.

Герасимова М.М. Краниологический материал из могильника Шумилиха (Предварительные данные) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1981. – С.32-37.

Горбунова Н.Г., Пшеницына М.Н. Поселение и могильник в бухте Шидэ // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1992. – С.65-69.

Горюнова О.И. Антропоморфная и зооморфная скульптура древнего могильника Усть-Белая II // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1974а. – Вып.2. – С.129-140.

Горюнова О.И. Отчет о полевых исследованиях неолитического отряда КАЭ ИГУ в Иркутской области, 1973 г. // Архив ИА АН СССР, Р-1, № 5015. – 165 с. – (Иркутск, 1974б).

Горюнова О.И. К вопросу о сидячих погребениях в Прибайкалье // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1975. – Вып.3. – С.171-175.

Горюнова О.И. Полевые исследования на Среднем Байкале, 1976 г. // Архив ИА АН СССР. – Р.1. - № 6396. – 80 с. – (Иркутск, 1977).

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1984. – 17 с.

Горюнова О.И. Отчет о работе Маломорского отряда КАЭ ИГУ в Ольхонском р-не Иркутской области, 1986 г. // Архив ИА АН СССР, Р-1, № 11653. – 130 с. – (Иркутск, 1987а).

Горюнова О.И. Серовские погребальные комплексы Приольхонья: (датировка и корреляция с материалами поселений) // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1987б. – С.64-66.

Горюнова О.И. Отчет о раскопках могильника Сарминский Мыс и разведках в Ольхонском р-не Иркутской области, 1987 г. // Архив ИА АН СССР, Р-1, № 14470. – 130 с. – (Иркутск, 1988).

Горюнова О.И. Многослойная стоянка Берлога // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: (К XIII Конгрессу ИНКВА). – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. – С.137-140, рис.81-83.

Горюнова О.И. Бронзовый век на территории Предбайкалья // Северная Евразия от древности до средневековья. – СПб., 1992. – С.50-53.

Goryunova O.I. The Early and Developed Bronze Age in the Cir-Baikal Territory // Korean Ancient Historical Society. – Seoul, Korea. – 1995. – № 18. – P.627-648.

Горюнова О.И. Работы Восточно-Прибайкальского отряда в Приольхонье (оз. Байкал) // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1995. – С.193-194.

Горюнова О.И. Поздний бронзовый век на территории Прибайкалья // Археология, антропология, этнография Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996а. – С.82-96.

Горюнова О.И. Проблемы хронологии и генезиса раннего неолита Приольхонья (оз. Байкал) // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. – Владивосток: Изд-во Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1996б. – С.73-77.

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1997. – 112 с.

Горюнова О.И. Неолит Приольхонья (оз. Байкал) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2001. – С.369-373.

Горюнова О.И., Вебер А. Исследования могильника бронзового века Хужир-Нугэ XIV на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1997. – Т.3. – С.184-187.

Горюнова О.И., Вебер А. В. Продолжение многолетних раскопок могильника Хужир-Нугэ XIV на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2000. – Т.6. – С.273-276.

Горюнова О.И., Вебер А.В. Завершение раскопок Российско-Канадской экспедиции на могильнике Хужир-Нугэ XIV (оз. Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2001. – Т.7. – С.63-65.

Горюнова О.И., Вебер А.В., Ливерсе А.Р., Новиков А.Г. Исследования совместной Российско-Канадской экспедиции на могильнике Хужир-Нугэ XIV (оз. Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. – Т.4. – С.230-234.

Горюнова О.И., Вебер А., Новиков А.Г. Новые данные по бронзовому веку Прибайкалья: Могильник Хужир-Нугэ XIV // Сибирь в панораме тысячелетий: (Мат-лы междунаро. симпозиума). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. – Т.1. – С.138-146.

Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С.40-54.

Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Археология и палеогеография развитого бронзового века Предбайкалья // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – С.94-117.

Горюнова О.И., Воробьева Г.А., Орлова Л.А. Новые данные по хронологии многослойных поселений Приольхонья // Новейшие

археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996. – С.57-59.

Горюнова О.И., Красавцев А.А., Сергиенко Т.Ю., Новиков А.Г. Новые комплексы развитого неолита Приольхонья (по материалам поселений) // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. – Вып.2, ч.2. – С.3-14.

Горюнова О.И., Лыхин Ю.П. Археологические памятники п-ва Святой Нос (оз. Байкал) // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С.130-147.

Горюнова О.И., Мамонова Н.Н. Погребальный обряд и демография серовских захоронений Приольхонья (оз. Байкал) // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994. - № 3. – С.13-19.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Мамонова Н.Н. Захоронения бронзового века могильника Сарминский Мыс на побережье оз. Байкал // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. - № 3. – С.13-19.

Горюнова О.И., Савельев Н.А. Многослойная стоянка Улан-Хада // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: (К XIII Конгрессу ИНКВА). – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. – С.125-133, рис.65-77.

Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. – Иркутск: Арком, 1996. – Ч.2: Материковый участок от мыса Елохин до мыса Улан. – 213 с., 1 карта. – (Археология).

Горюнова О.И., Смотрова В.И. Погребальные комплексы могильника Шумилиха (Анализ материалов и датировка памятника) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1981. – С.17-28.

Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1992. – С.41-56.

Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. – 1947. - Вып.18. – С.9-17.

Грязнов М.П. Отчет Иркутской археологической экспедиции о раскопках на Байкале в 1959 году // Архив ИА АН СССР. - Р.1. - № 2023. – 242 с. – (Л., 1960).

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Раскопки многослойного поселения Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1992. – С.13-32.

Грязнов М.П., Максименков Г.А. Задачи и итоги работ Иркутской экспедиции // Древности Байкала. - Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1992. - С.5-13.

Древности Байкала: Сб. науч. ст. / Изд-во Иркут. гос. ун-та; Отв. ред. В.М. Массон. – Иркутск, 1992. – 252 с., ил.

Задонин О.В., Дзюбас С.А., Луньков А.В. Неолитическое погребение на Верхней Лене в г. Киренске // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1996. – Ч. 1. – С.102-104.

Иваньев Л.Н. Фауна позвоночных животных из могильника Шумилиха // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1981. – С.29-32.

Игумнова Е.С., Савельев Н.А., Тетенькин А.В., Батракова Н.А., Самарина Ю.В. Новое многослойное местонахождение в долине р. Белой – Усть-Хайта // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – С.153-155.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1997. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – 232 с.

Комарова М.Н., Шер Я.А. Могильники бухты Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1992. – С.32-41.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, 1982. – 176 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). – Улан-Удэ: Изд-во ИОН БНЦ СО РАН; Чита: Читин. гос. пед. ин-т, 1994. – 180 с., 83 рис.

Константинов М.В., Семина Л.В., Колосов В.К., Сулержицкий Л.Д. Проблемы определения возраста археологических памятников Забайкалья // Геоархеология четвертичного периода. – М.; Таллин, 1989. – С.118.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.

Краниологические коллекции Кабинета антропологии Томского университета / Сост.: В.А. Дремов, А.Р. Ким. – Томск, 1979. – 120 с.

Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д. Археология и реальная точность радиоуглеродного метода // Геохронология четвертичного периода. – М., 1992. – С.161-167.

Лежненко И.Л., Михнюк Г.Н. Раскопки нового могильника в верхнем Приангарье // Археологические открытия 1972 года. – М.: Наука, 1973. – С.223-224.

Максименков Г.А. Окуневская культура: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1975а. – 40 с.

Максименков Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975б. – С.48-58.

Мамонова Н.Н. Половозрастной состав погребенных серовской группы могильника Сарминский Мыс // Серовские погребения Приольхонья. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1997. – С.107-109.

Мамонова Н.Н., Базалийский В.И. Могильник «Локомотив»: некоторые биологические и демографические особенности населения китойской культуры: (по материалам раскопок 1980-1984 годов) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1991. – С.93-109.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по ¹⁴C погребений Прибайкалья в эпоху голоцена // СА. – 1989. - № 1. – С.19-32.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – Ч.2: Самусьская культура. – 209 с. – (Из истории Сибири. – Вып.10).

Медведев Г.И., Слагода Е.А. Усть-Белая // Каменный век Южного Приангарья. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2001. – Т.2: Бельский геоархеологический район. – С.101-112.

Михнюк Г.Н., Лежненко И.Л. Отчет о полевых исследованиях на новом могильнике Шумилиха в южном Приангарье // Архив ИА АН СССР; Р-1, № 5117. – 28 с., 59 ил. – (Иркутск, 1973).

Молодин В.И. Кротовская культура и ее окружение // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1975. – С.259-268.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Новиков А.Г. Погребальный обряд захоронений бронзового века могильника Сарминский Мыс (оз. Байкал) // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – С.60-61.

Новиков А.Г. Погребальные обряды могильников урочища Улярба // Молодая археология и этнология Сибири. – Чита: Изд-во Забайкал. гос. пед. ун-та, 1999. – Ч.1. – С.139-141.

Окладников А.П. Каменные рыбы: (к изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири) // СА. – 1936. - № 1. – С.215-244.

Окладников А.П. Археологические исследования в низовьях р. Селенги // КСИИМК. – 1950а. – Вып.35. – С.85-90.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1950б. – Ч.1-2: Ист.-археол. исследования. – 412 с. – (МИА. - № 18).

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч.3: Глазковское время. – 347 с. – (МИА. - № 43).

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары: (от Шукино до Бурети). – Новосибирск: Наука, 1974. – 319 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары: (от устья р. Белой до Усть-Уды). – Новосибирск: Наука, 1975. – 318 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары: (от Серово до Братска). – Новосибирск: Наука, 1976. – 328 с.

Окладников А.П. Верхоленский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – 288 с.

Окладников А.П., Конопацкий А.К. Погребения эпохи неолита и ранней бронзы на Ангаре (по материалам раскопок 1977 г.) // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1984. – С.18-35.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в Монголии в 1967 году // Изв. СО АН СССР. – 1968. - № 11, вып.3. – С.104-115.

Панковская Г.И., Смотрова В.И. Древний могильник Улярба на Среднем Байкале // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1982. – С.71-85.

Руденко С.И. Культуры бронзы Минусинского края и радиоуглеродные датировки // Доклады Географ. об-ва, 1968. – Вып.5.

Савельев Н.А., Михнюк Г.Н., Лежненко И.Л., Горюнова О.И., Петрова Н.А., Панковская Г.И. Могильник в местности Шумилиха (Описание исследованных погребений) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1981. – С.7-17.

Савельев Н.А., Тетенькин А.В., Игумнова Е.С., Абдулов Т.А., Инешин Е.М., Осадчий С.С., Ветров В.М., Клементьев А.М., Мамонтов М.П., Орлова Л.А., Шибанова И.В. Многослойный геоархеологический объект Усть-Хайта – Предварительные данные // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2001. – С.338-352.

Сергеева Н.Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1981а. – 152 с.

Сергеева Н.Ф. К химической характеристике металла из могильника Шумилиха // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1981б. – С.28-29.

Смотрова В.И. Отчет о полевых исследованиях могильника Улярба в 1983 г. (Малое море, оз. Байкал) // Архив ИА АН СССР. – Р.1. - № 11621. – 78 с. – (Иркутск, 1984).

Смотрова В.И. Исследования могильника Улярба // Археологические открытия 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С.242-243.

Смотрова В.И., Смотрова Г.И., Горюнова О.И. Раскопки могильника Улярба на Байкале // Археологические открытия 1976 года. – М.: Наука, 1977. – С.244.

Студзицкая С.В. Памятники искусства малых форм древней Сибири как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1972. – 14 с.

Студзицкая С.В. Соотношение производственных и культовых функций сибирских неолитических изображений рыб // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1976. – Вып.21. – С.74-89.

Студзицкая С.В. Скульптура эпохи ранней бронзы на Верхней Ангаре (По материалам могильника Шумилиха) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1981. – С. 38-45.

Тютрин А.А., Базалийский В.И. Могильник в устье р. Иды в Приангарье // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1996. – Ч.1. – С.85-90.

Фролов А.В., Хамзин А.А. Новые погребения бронзового времени в устье Белой // Пятая конференция молодых ученых вузов Иркутской области. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1987. – С.85.

Харинский А.В., Сосновская Н.С. Могильник бронзового века Хадарта IV // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. – Вып.2, ч.2. – С.66-100.

Хлобыстин Л.П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам Б.Э. Петри) // КСИА. - 1964. – Вып.97. – С.25-32.

Хлобыстин Л.П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. – 1978. – Вып.153: Памятники эпохи неолита. – С.93-99.

Хлобыстин Л.П. Бронзовый век Восточной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С.327-344.

Хлобыстина М.Д. «Сидячие» погребения культур Северной Евразии эпохи неолита и бронзы // КСИА. – 1991. - № 203: Исследования памятников неолита и бронзы. – С.32-38.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ – Алтайский государственный университет
АН СССР – Академия наук СССР
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН
ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской Академии наук
ИА АН СССР – Институт Археологии Академии наук СССР
ИАиЭ СО РАН – Институт Археологии и Этнографии СО РАН
ИА РАН – Институт Археологии Российской Академии наук
ИГУ – Иркутский государственный университет
Изв. СО АН СССР – Известия Сибирского отделения Академии наук СССР
ИИФФ – Институт Истории, филологии и философии СО АН СССР
ИНКВА – Международная комиссия по изучению четвертичного периода
КАЭ – Комплексная Археологическая экспедиция ИГУ
КСИА – Краткие сообщения Института Археологии АН СССР (РАН)
КСИИМК – Краткие сообщения Института Истории материальной культуры
ЛО ИА – Ленинградское отделение Института Археологии АН СССР
МИА – Материалы и исследования по археологии
РАН – Российская Академия наук
СА – Советская археология
СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук СССР
СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук
ТГУ – Томский государственный университет
ЦДЮТиК – Областной Центр детско-юношеского туризма и краеведения

ПРИЛОЖЕНИЕ

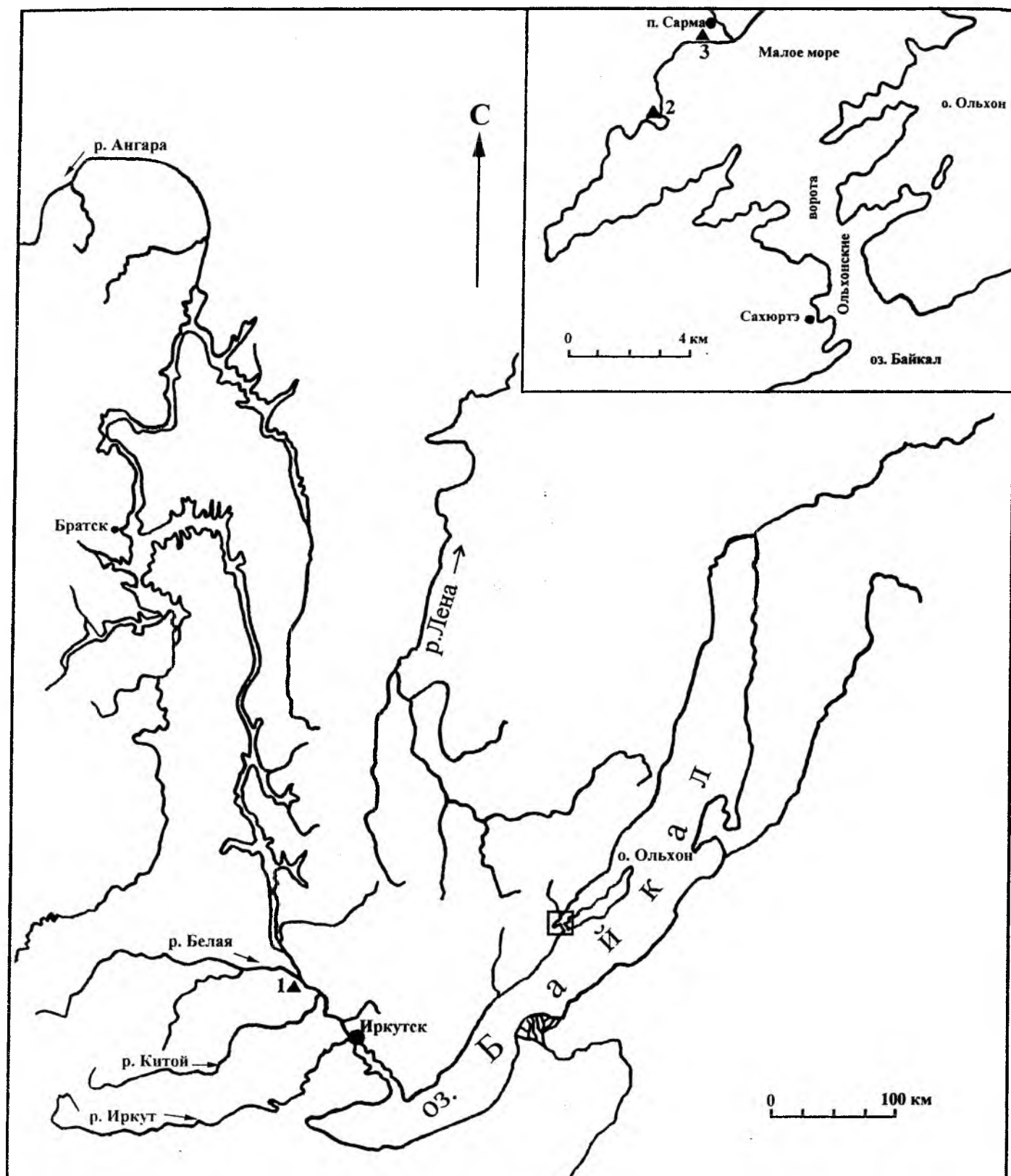

Рис. 1. Карта-схема расположения могильников: 1 - Шумилиха, 2 - Улярба, 3 - Сарминский Мыс

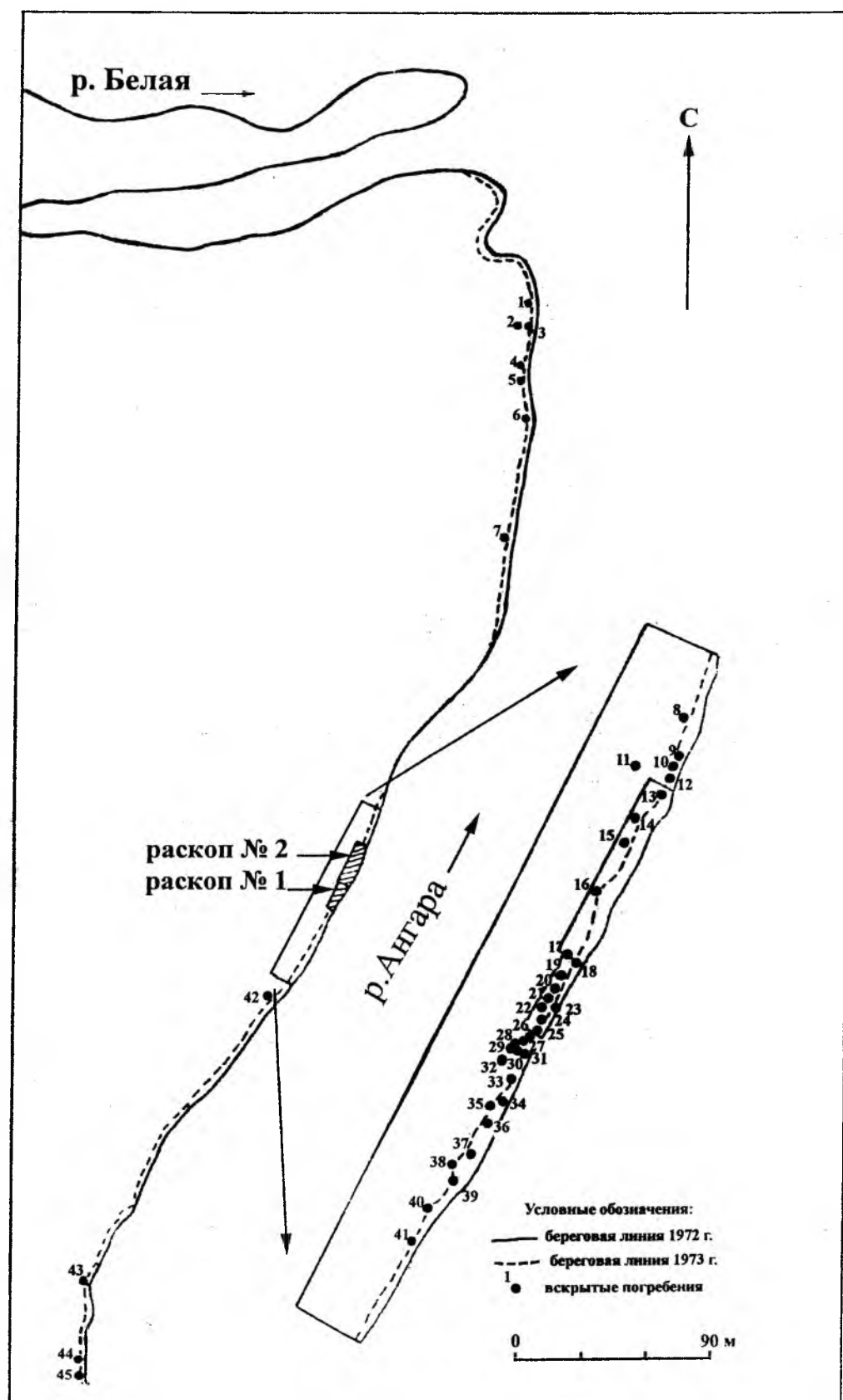

Рис. 2. Ситуационный план могильника Шумилиха
 (по публикации Бронзовый век Приангарья..., 1981)

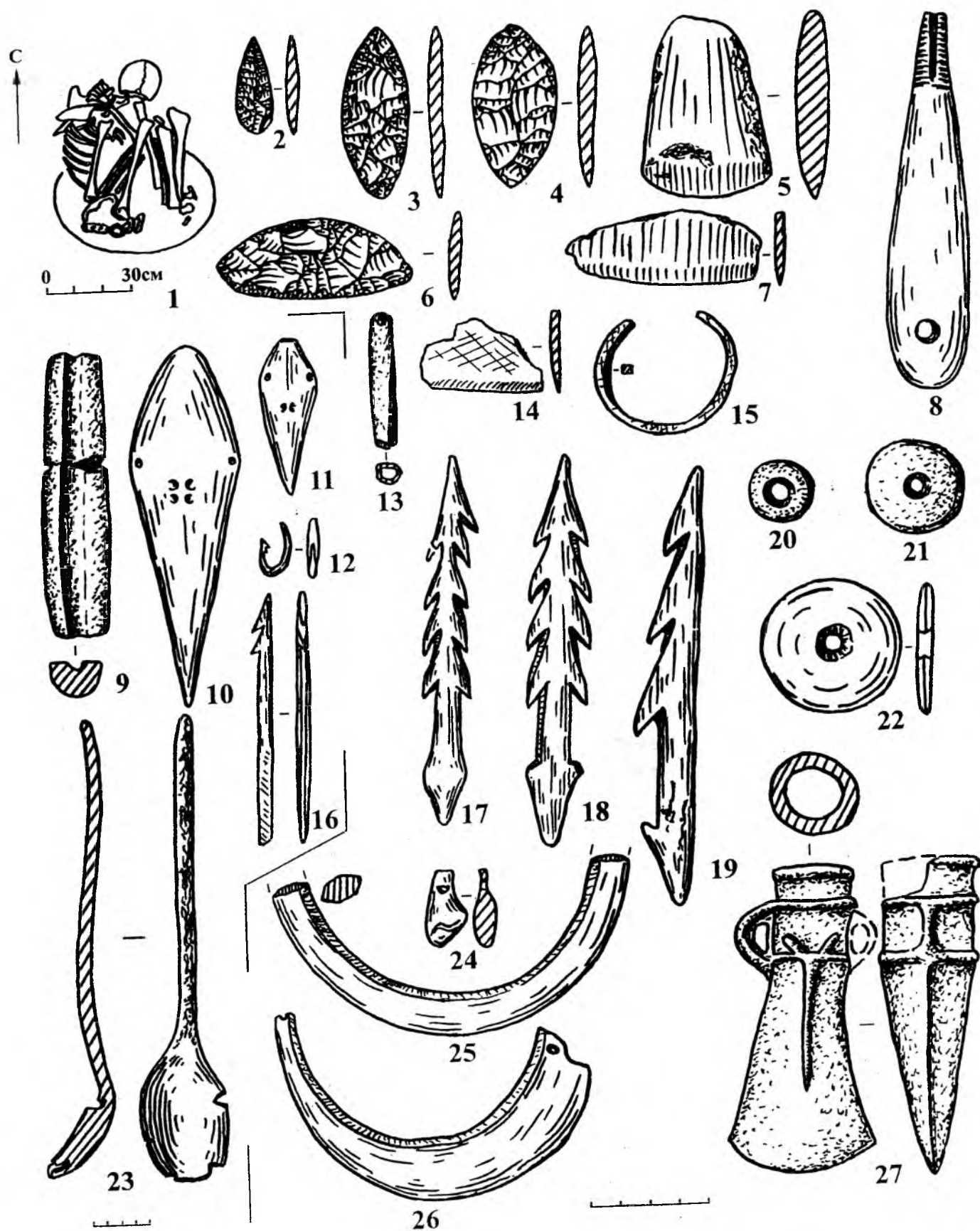

Рис. 3. Могильник Шумилиха, комплекс погребений с трупомещением сидя в скорченной позе (шумилихинская группа)

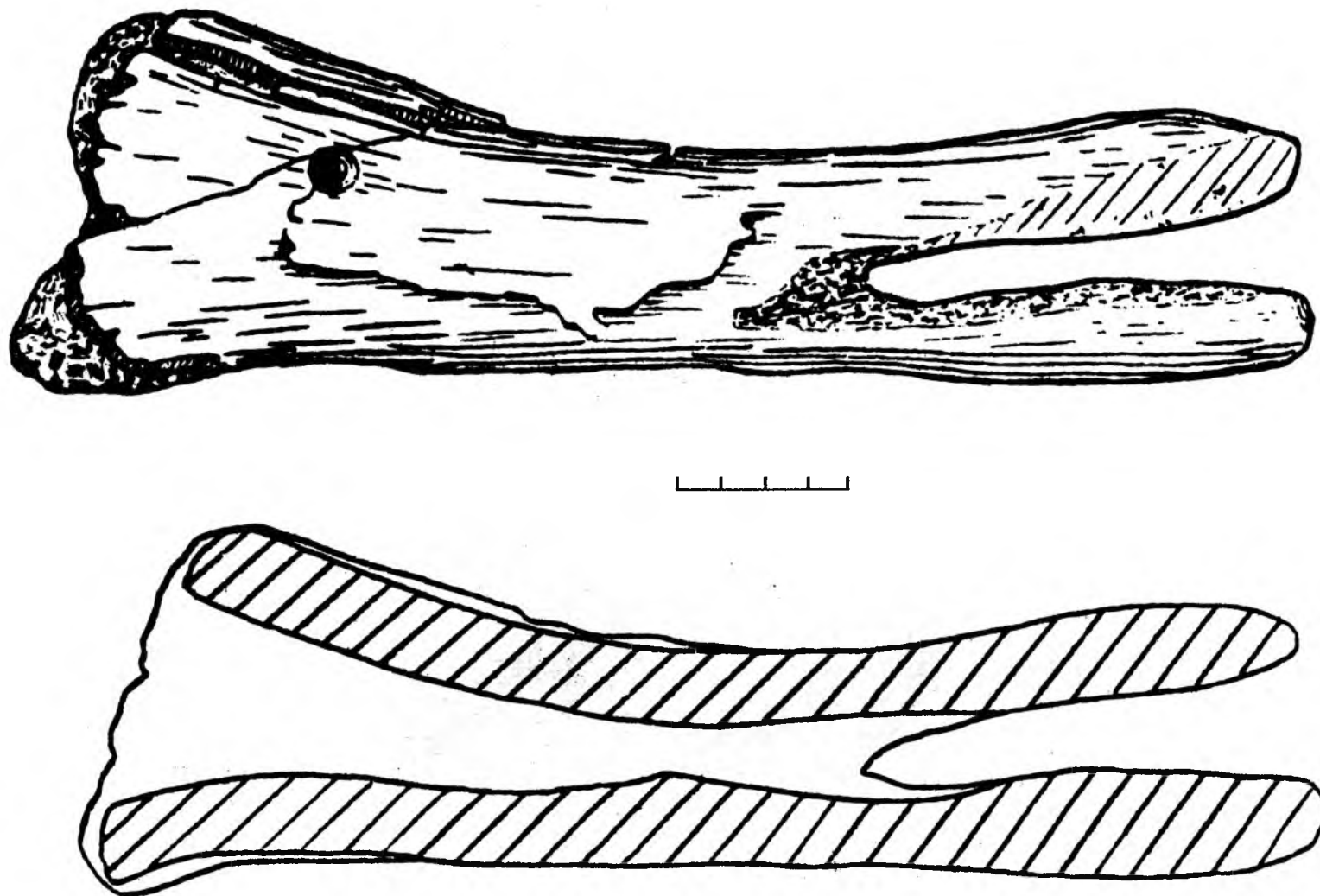

Рис. 4. Могильник Шумилиха, голова лося

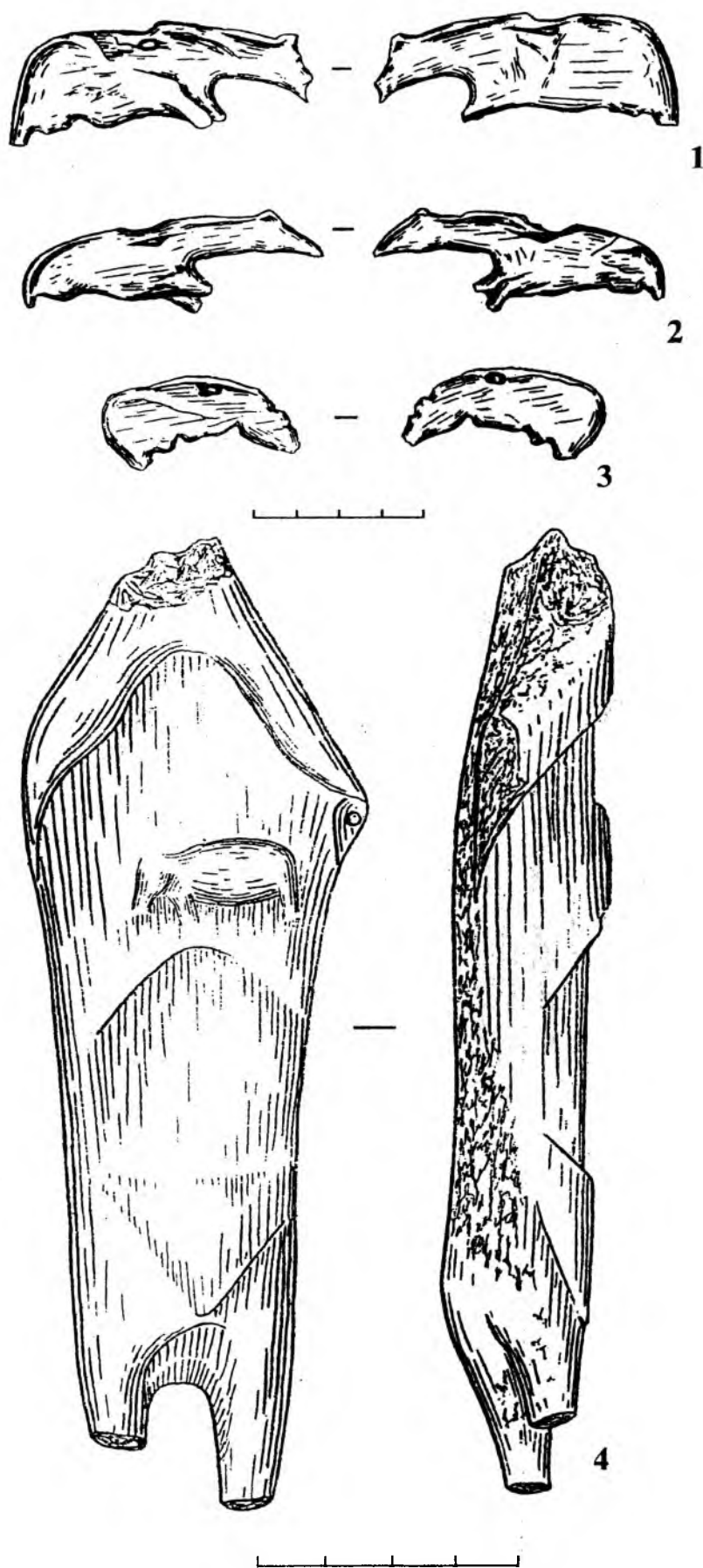

Рис. 5. Могильник Шумилиха: 1-3 - зооморфные (медведи) и 4 - антропоморфная скульптуры

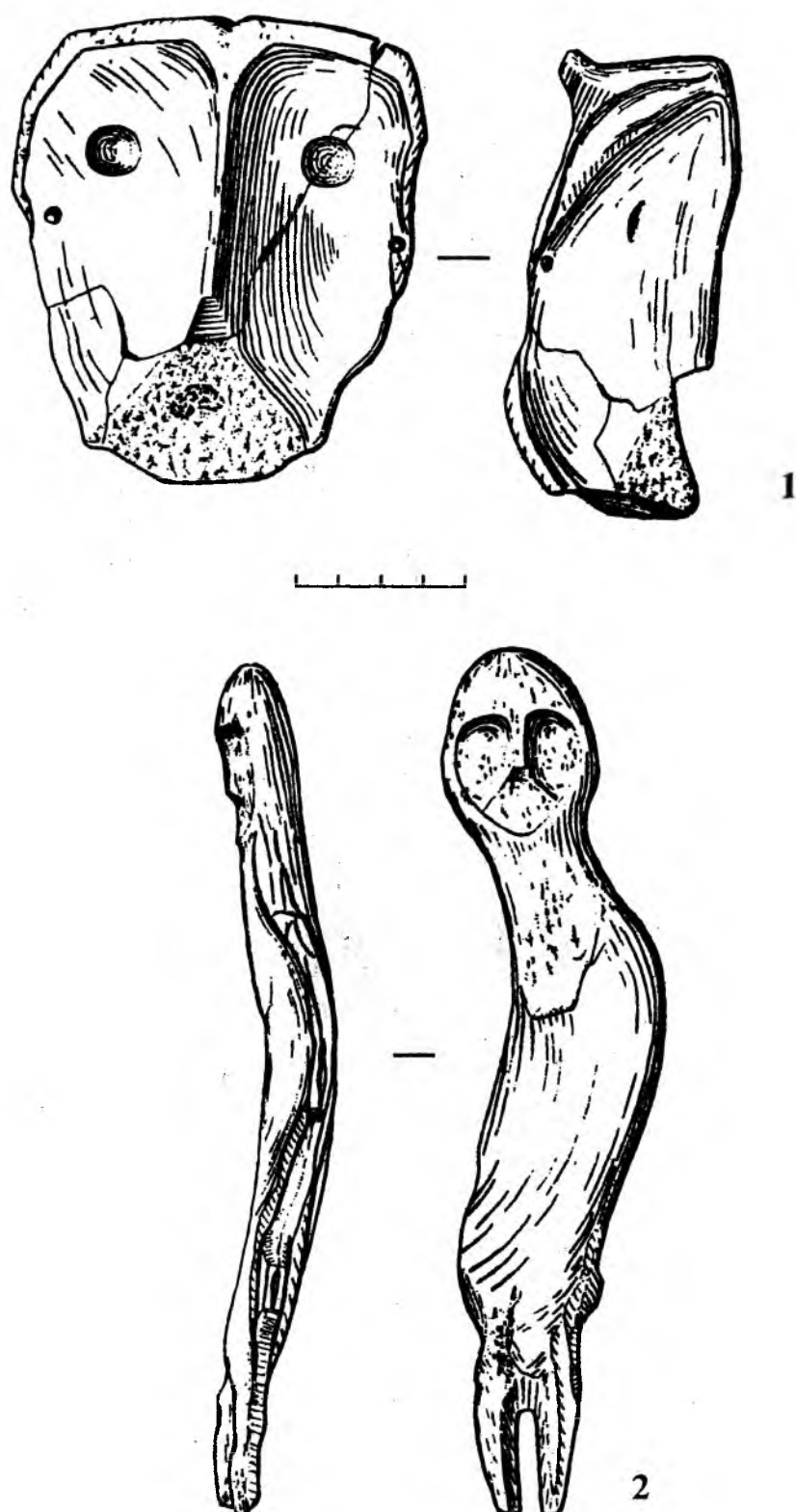

Рис. 6. Могильник Шумилиха, антропоморфные скульптуры

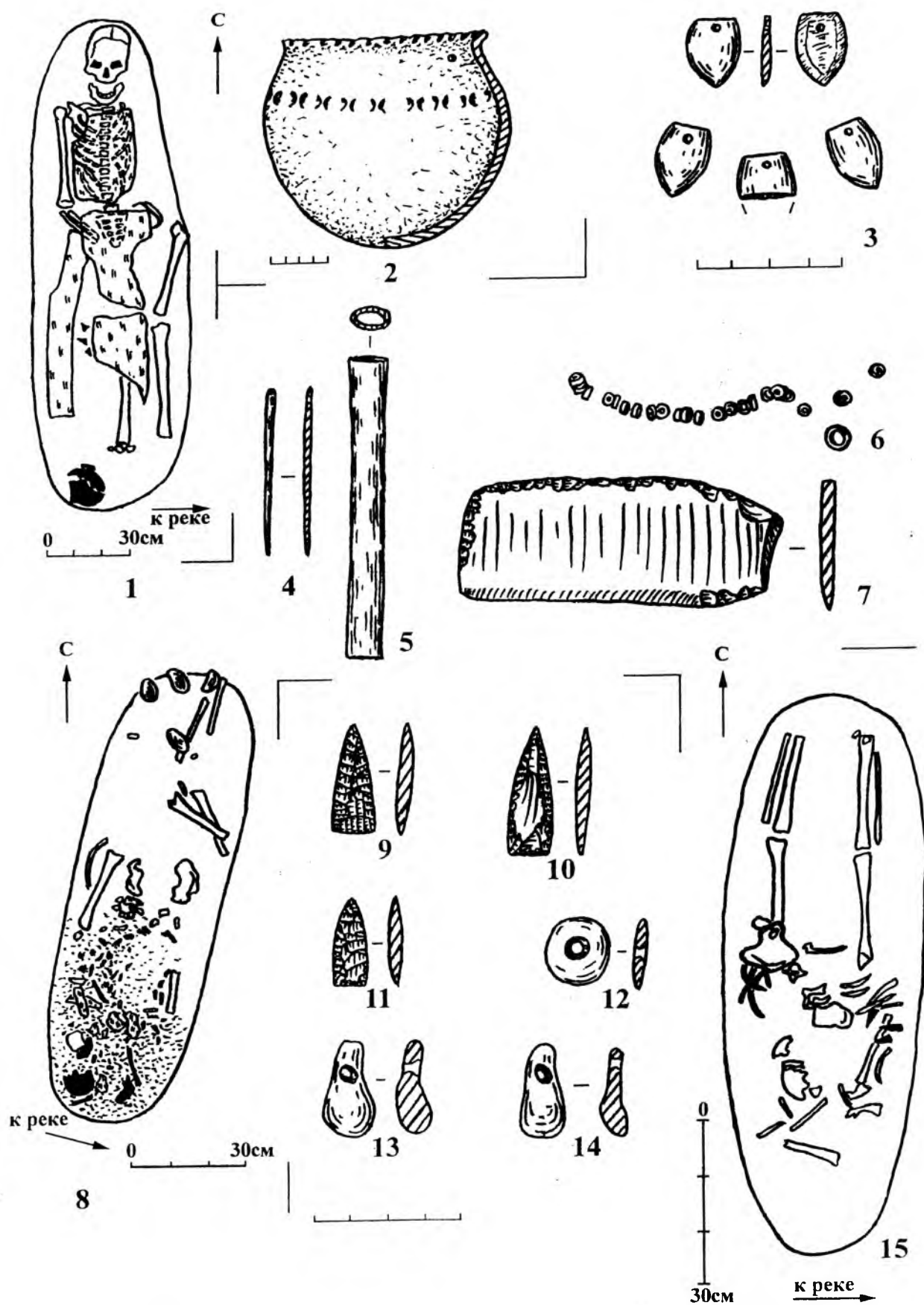

Рис. 7. Могильник Шумилиха: 1-2 - мухорский комплекс погребения, 3-8 - серовский комплекс, 9-15 - глазковский комплекс

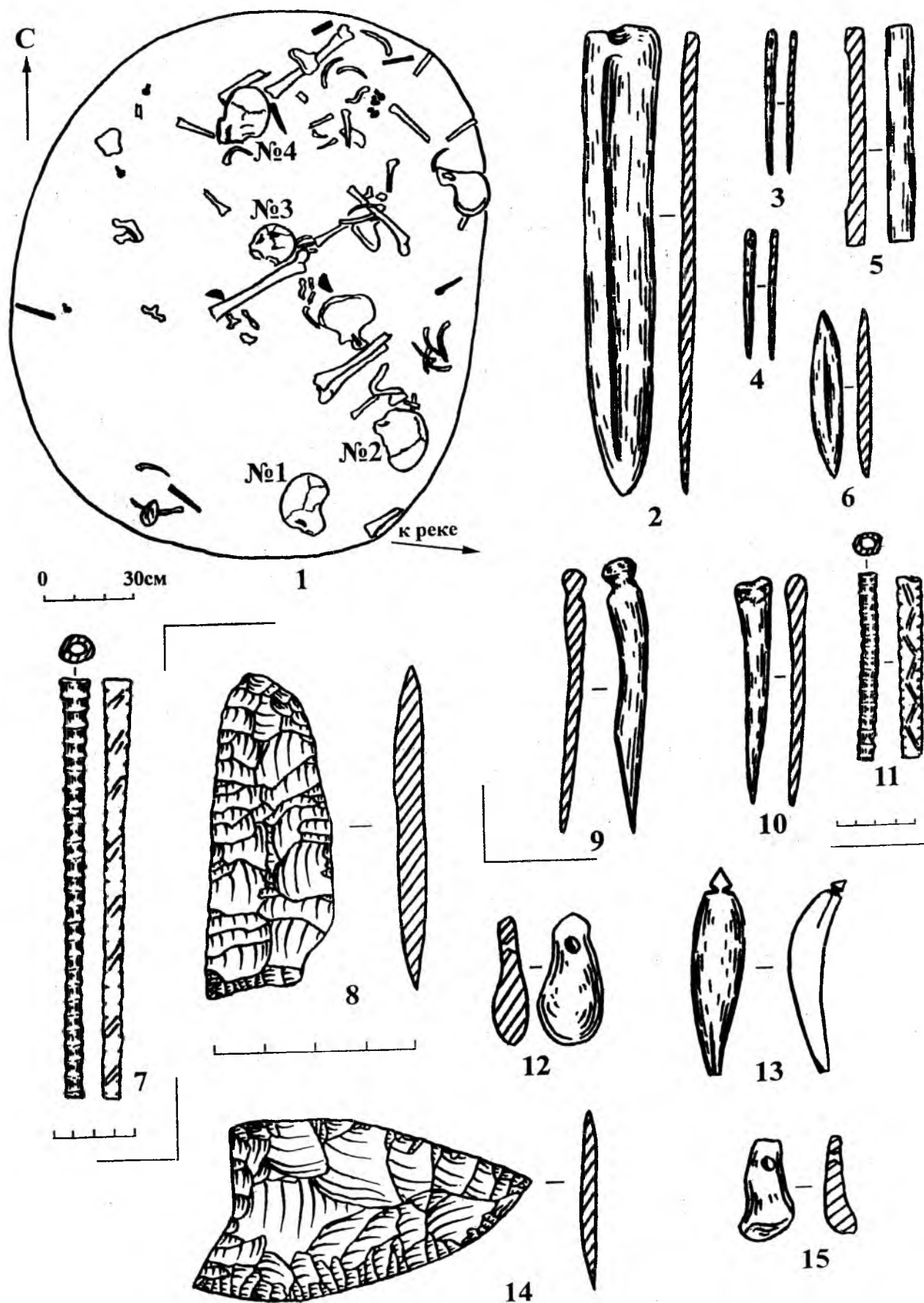

Рис. 8. Могильник Шумилиха, исаковский комплекс

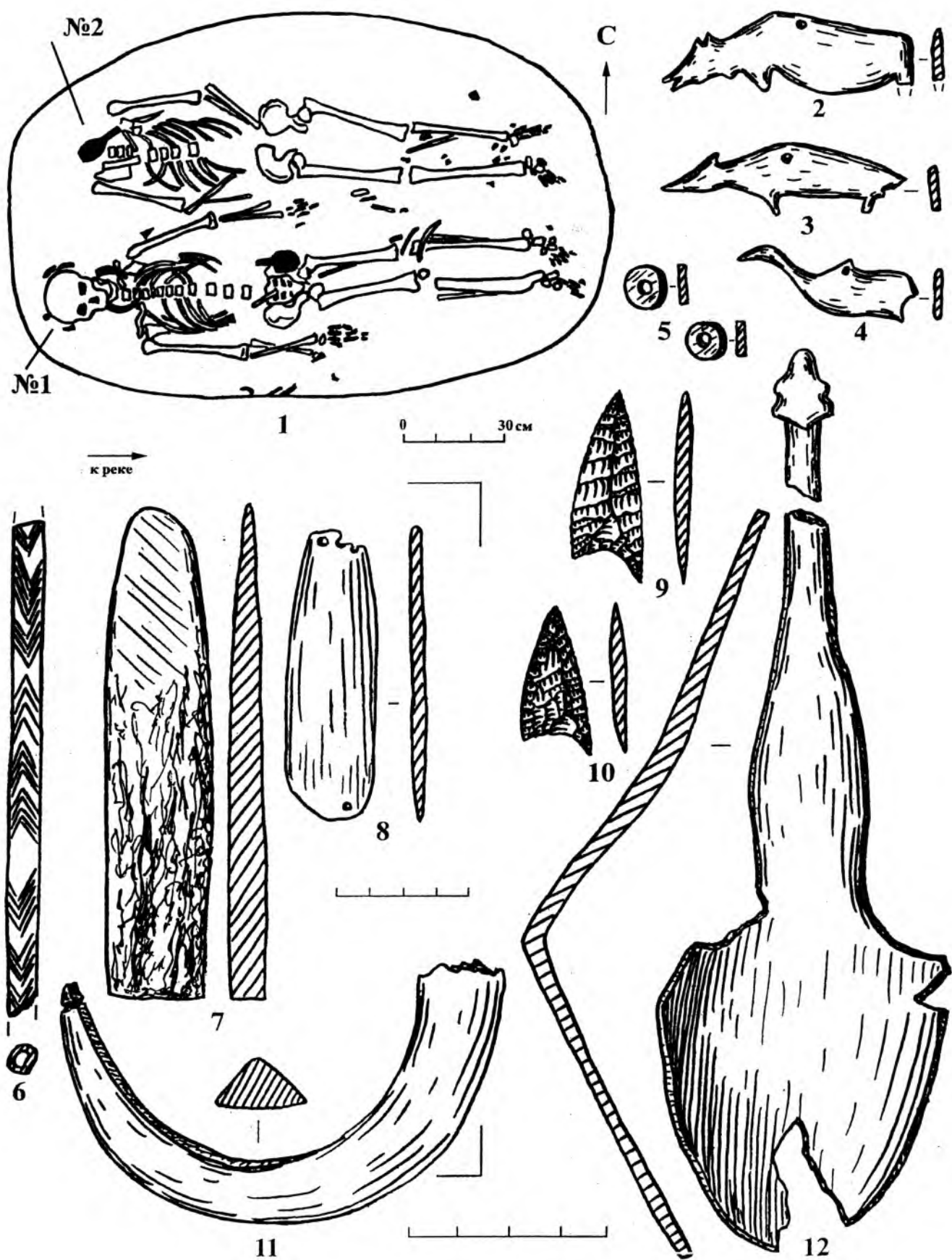

Рис. 9. Могильник Шумилиха, китовский комплекс.
(по публикации Окладников, Конопацкий, 1984)

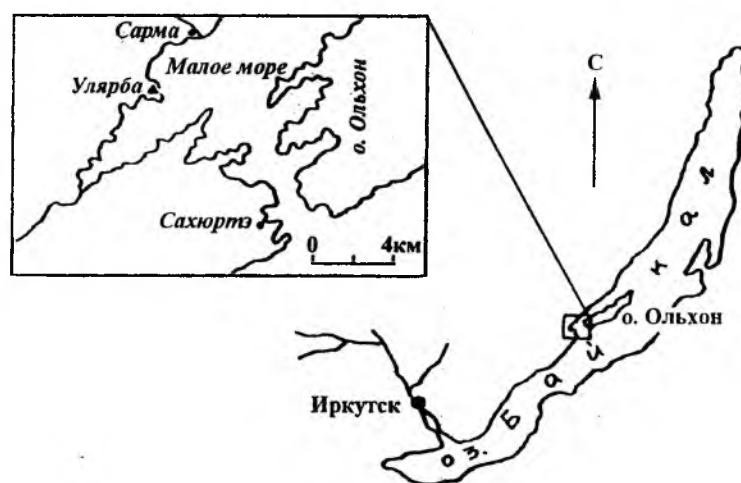
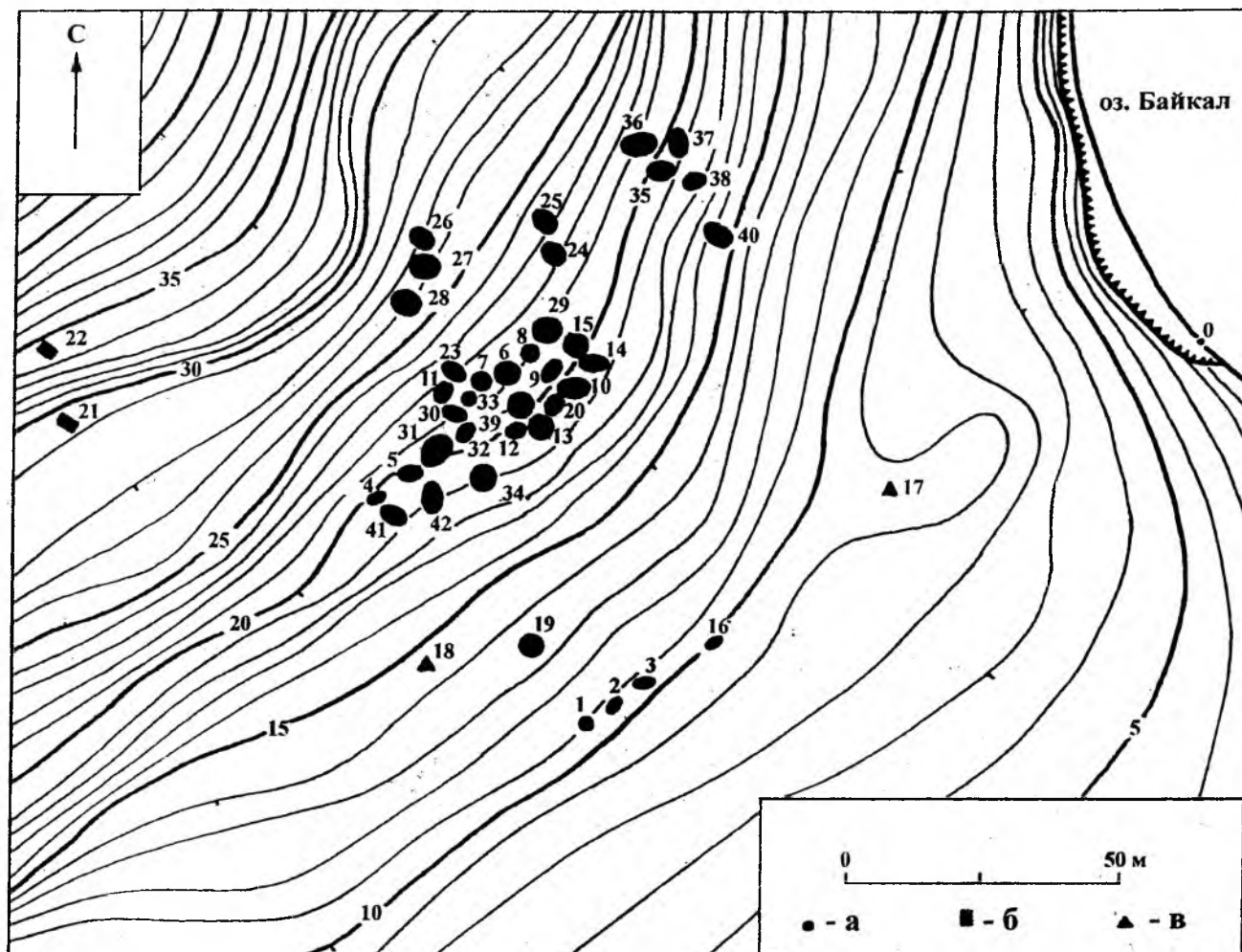

Рис. 10. Карта-схема и ситуационный план могильника Улярба:
 а - погребения неолита и бронзового века, б - плиточные
 могилы, в - естественные выходы камней

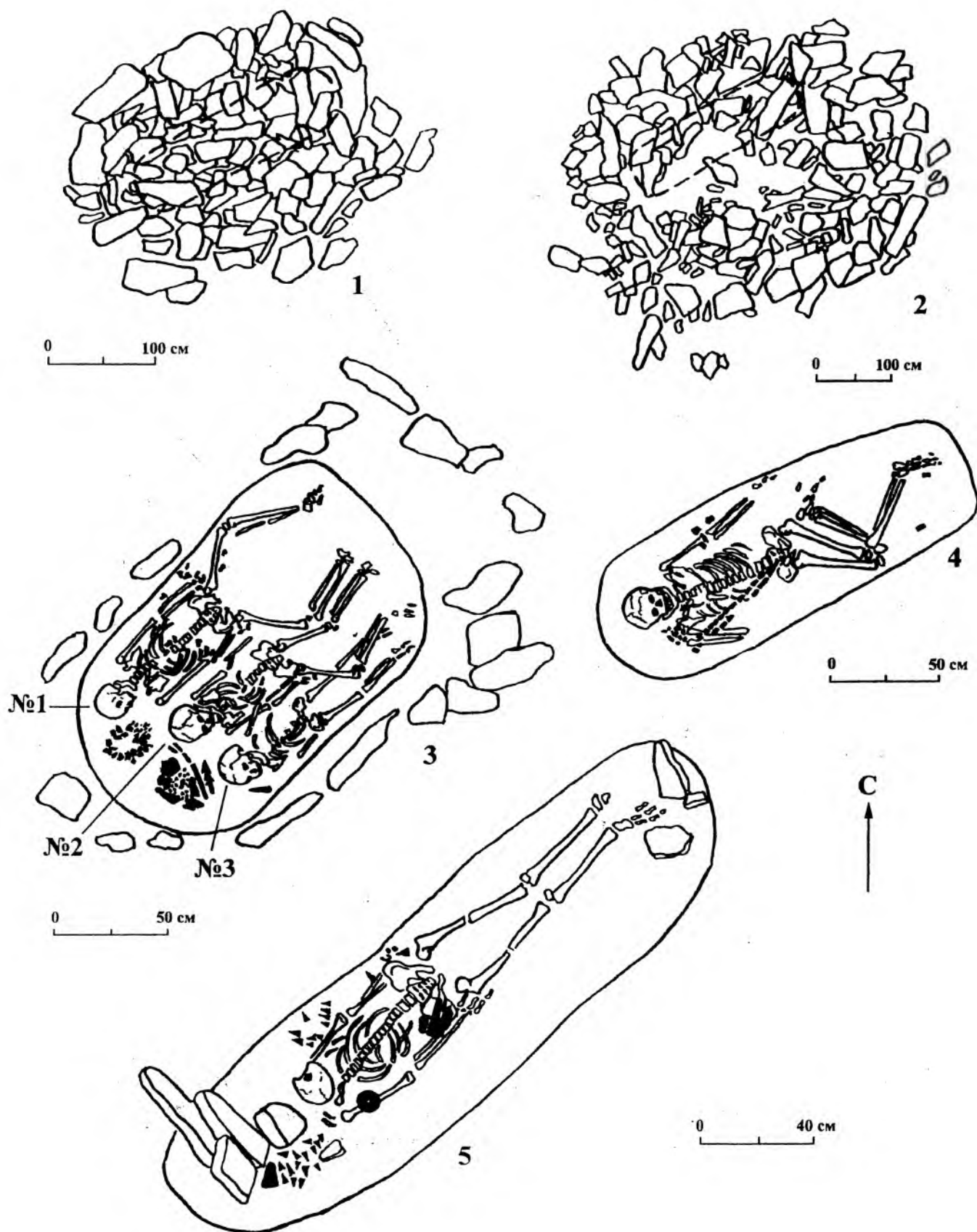

Рис. 11. Могильник Улярба, позднеглазковская группа захоронений

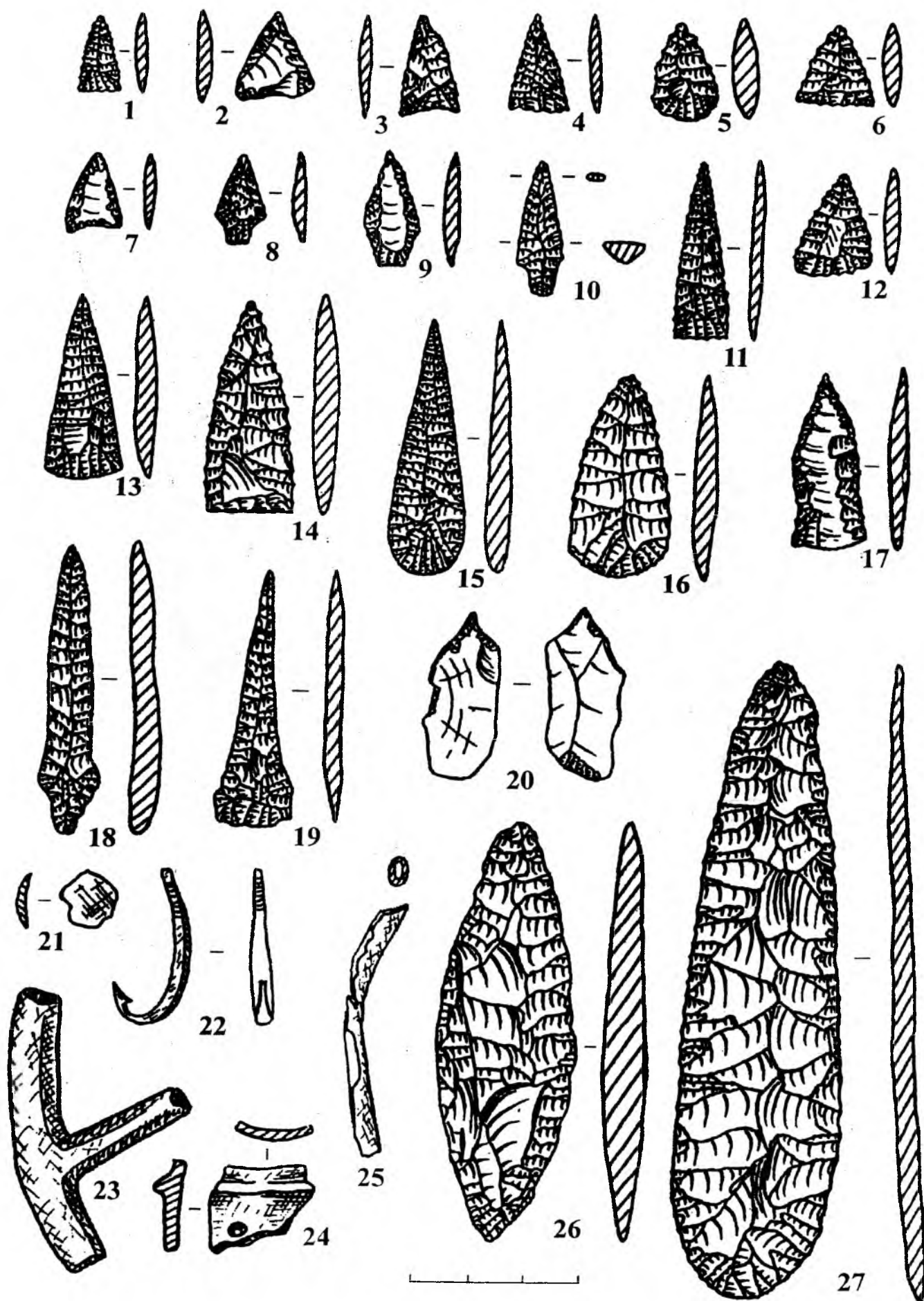

Рис. 12. Могильник Улярба, комплекс позднеглазковских погребений:
1-20, 26-27 - камень. 21-25 - бронза

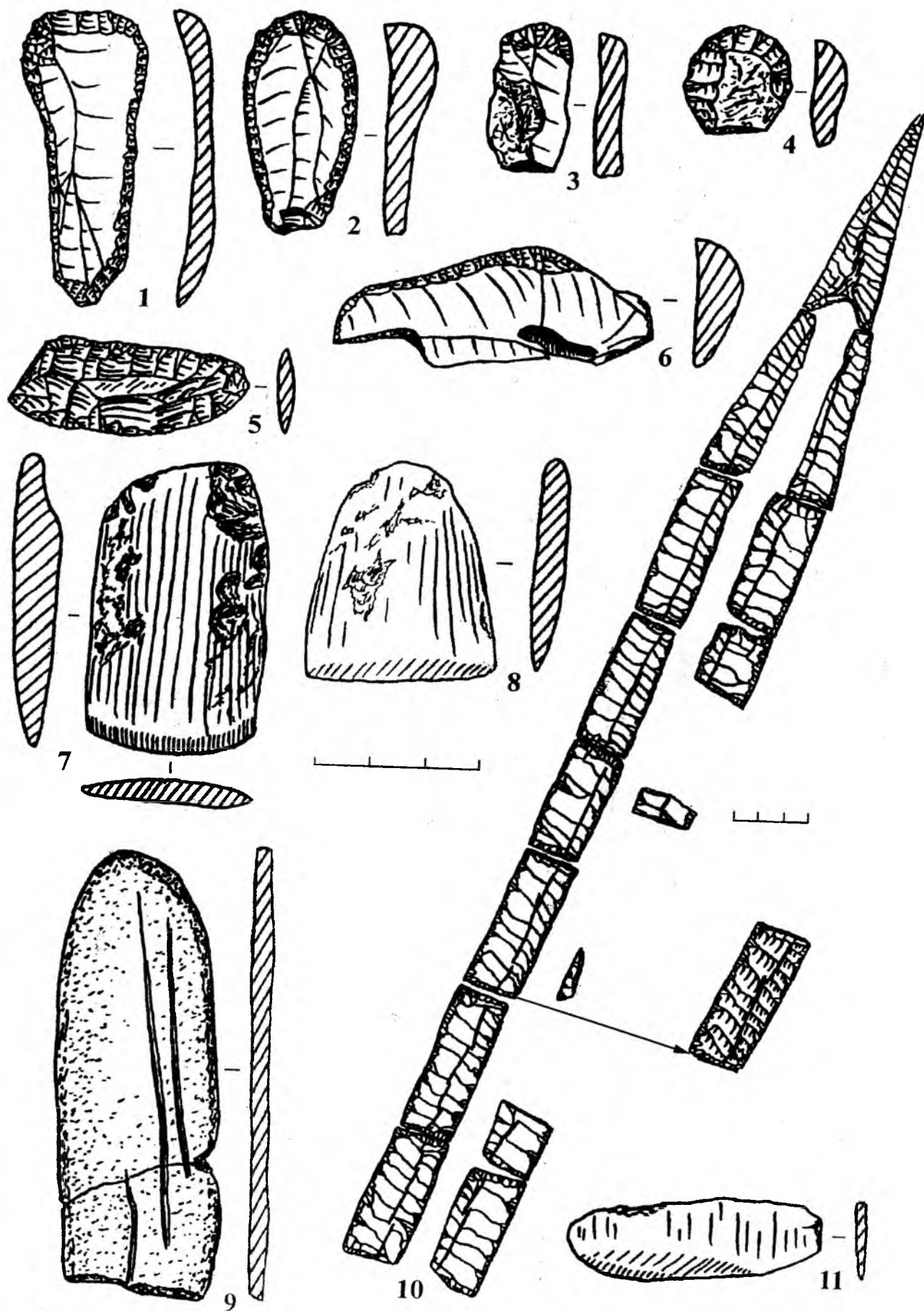

Рис. 13. Могильник Улярба, комплекс позднеглазковских погребений

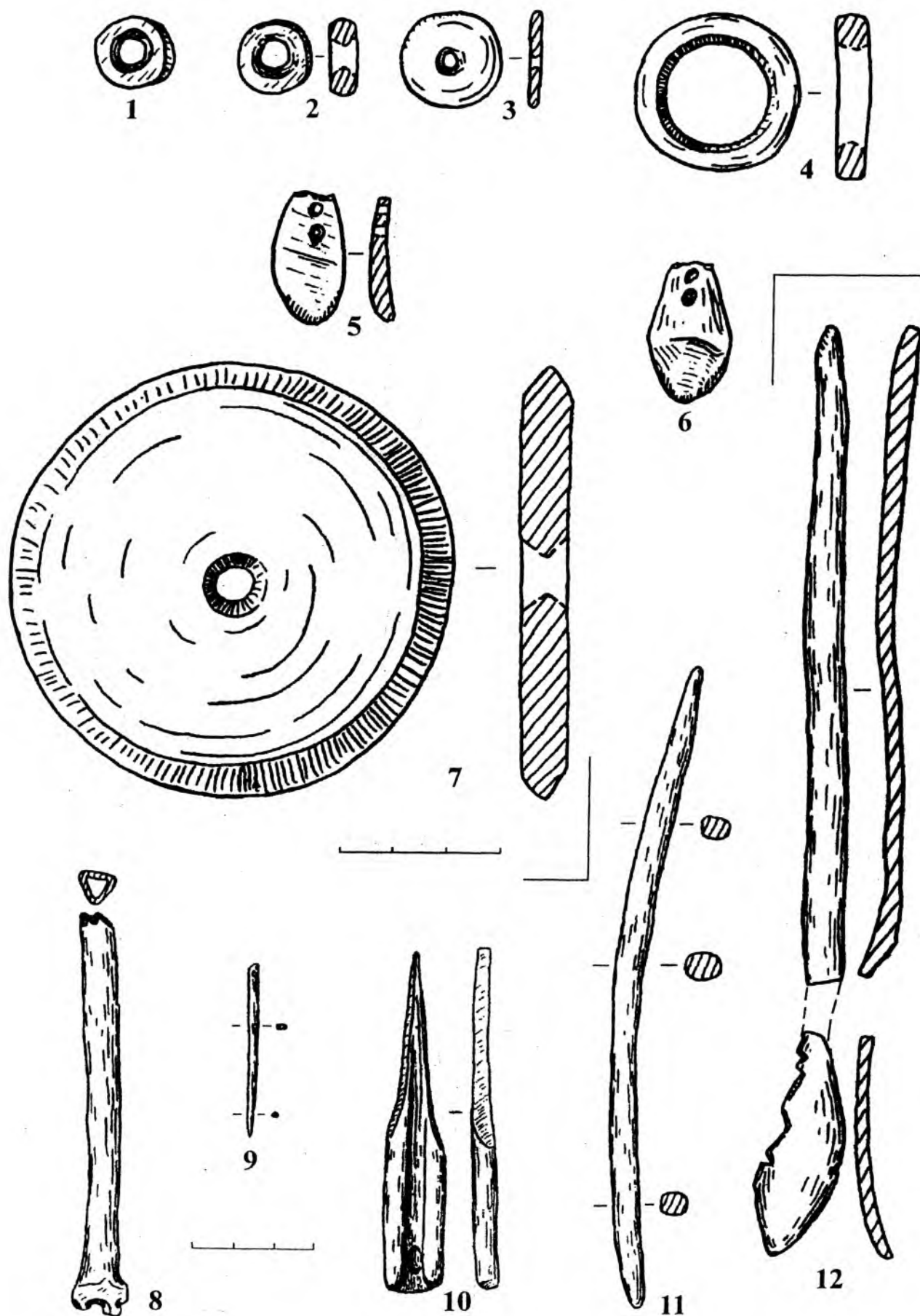

Рис. 14. Могильник Улярба, комплекс позднеглазковских погребений:
1-4, 7 - камень, 5-6. 8-12 - кость

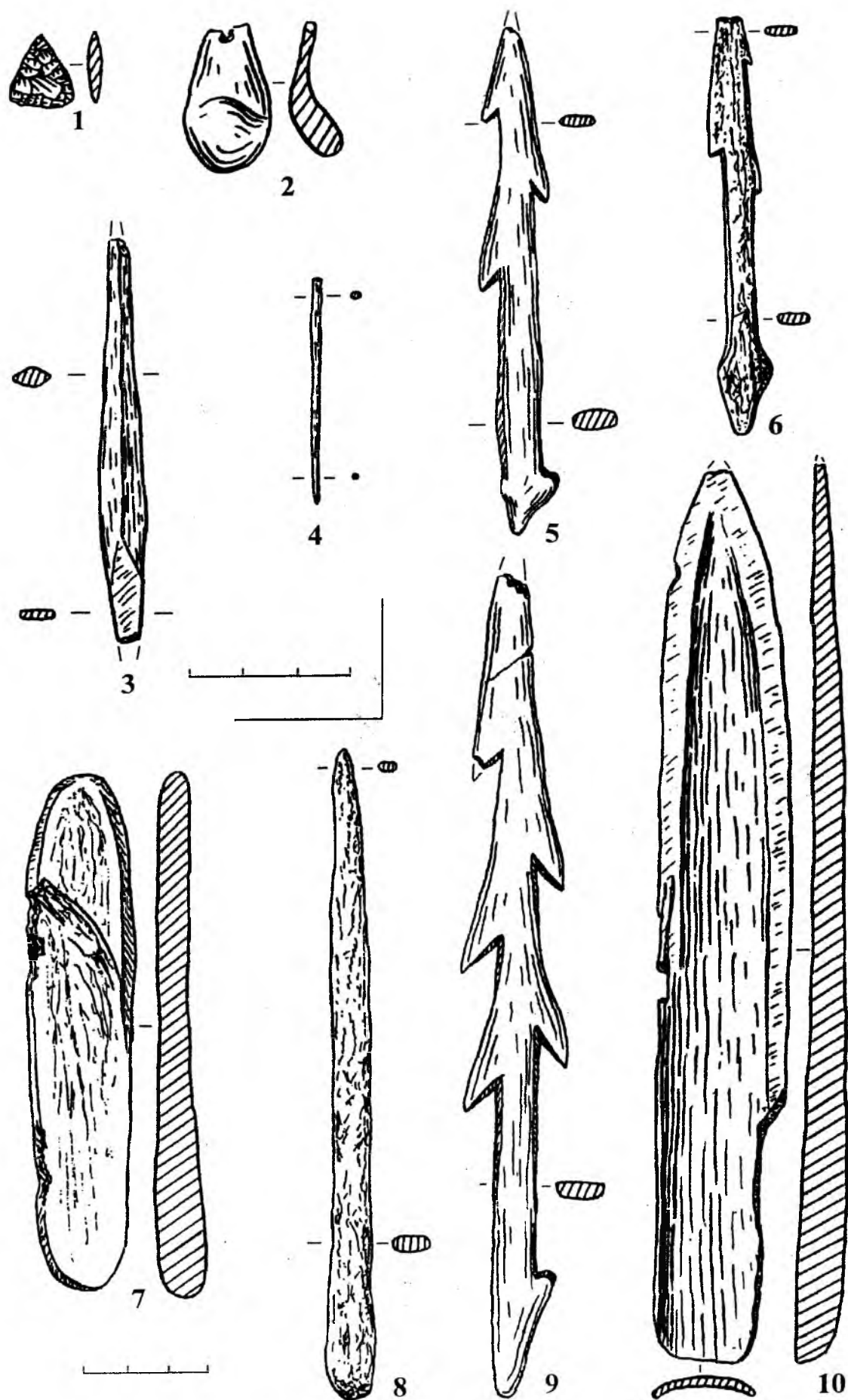

Рис. 15. Могильник Улярба, комплекс позднеглазковских погребений:
1,7 - камень, 2-3,5-6, 8-10 - кость, 4 - бронза

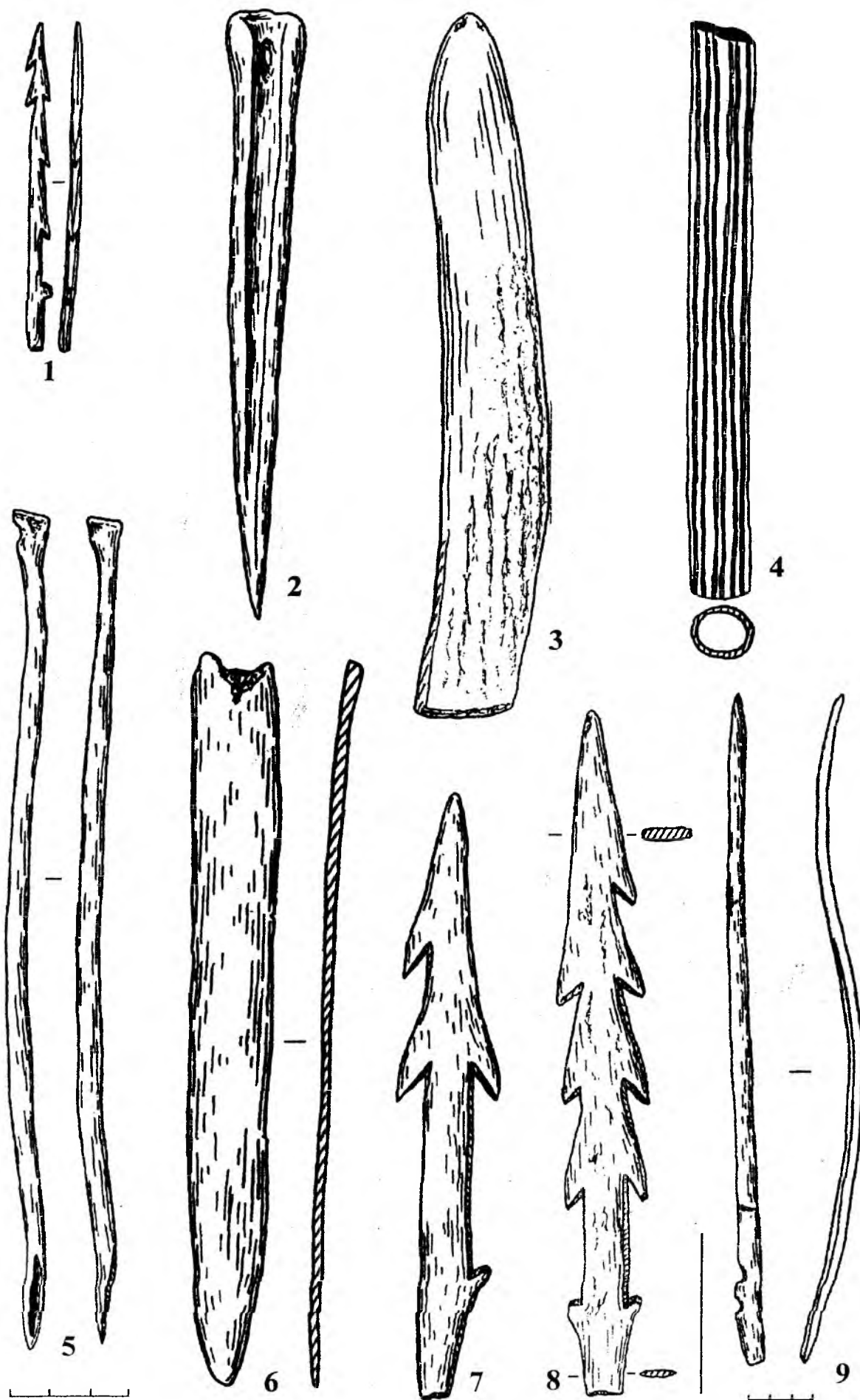

Рис. 16. Могильник Улярба, комплекс позднеглазковских погребений

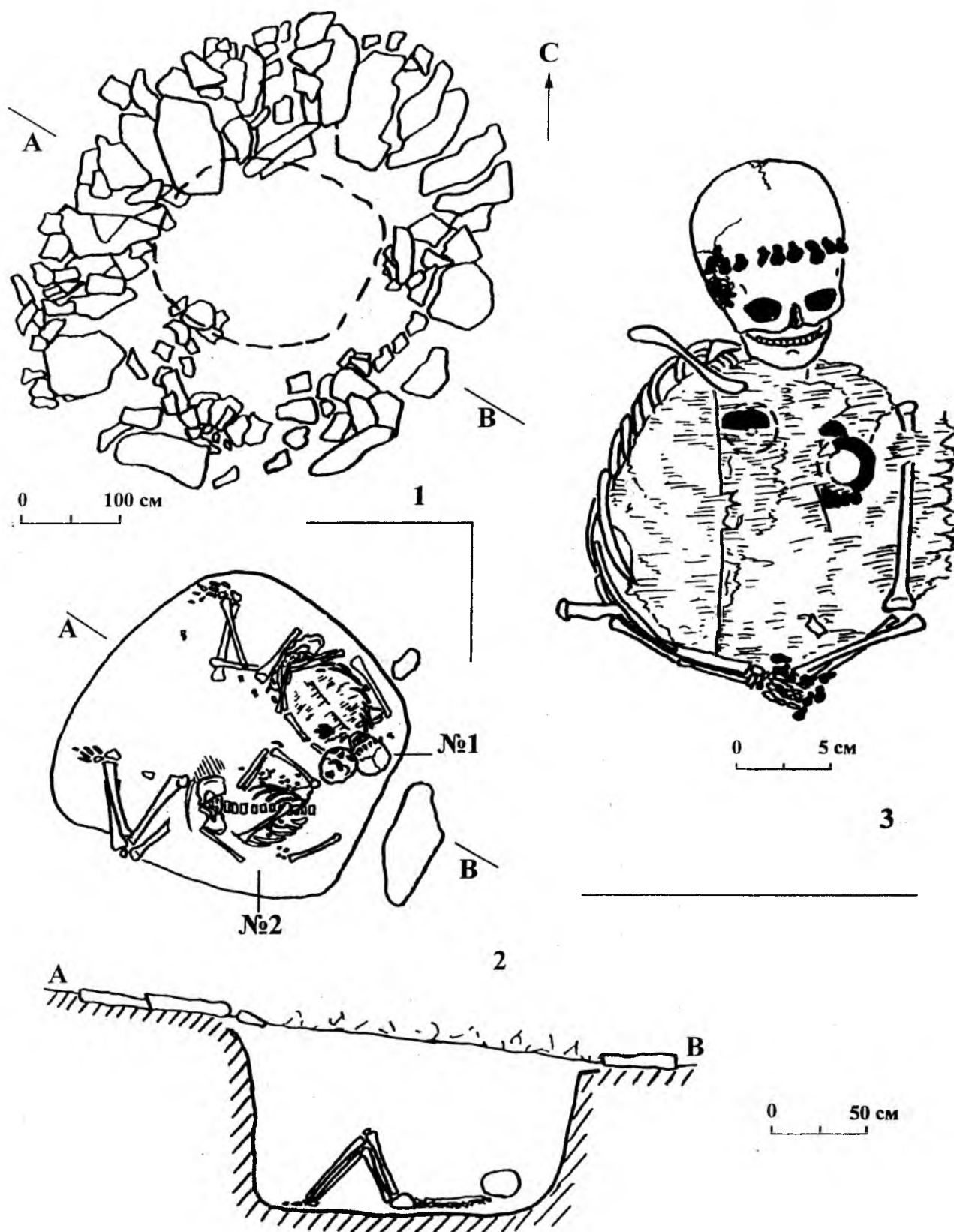

Рис. 17. Могильник Улярба, комплекс погребения №13 с трупом помещенным на спине с согнутыми ногами и оберткой берестой (мухорская группа)

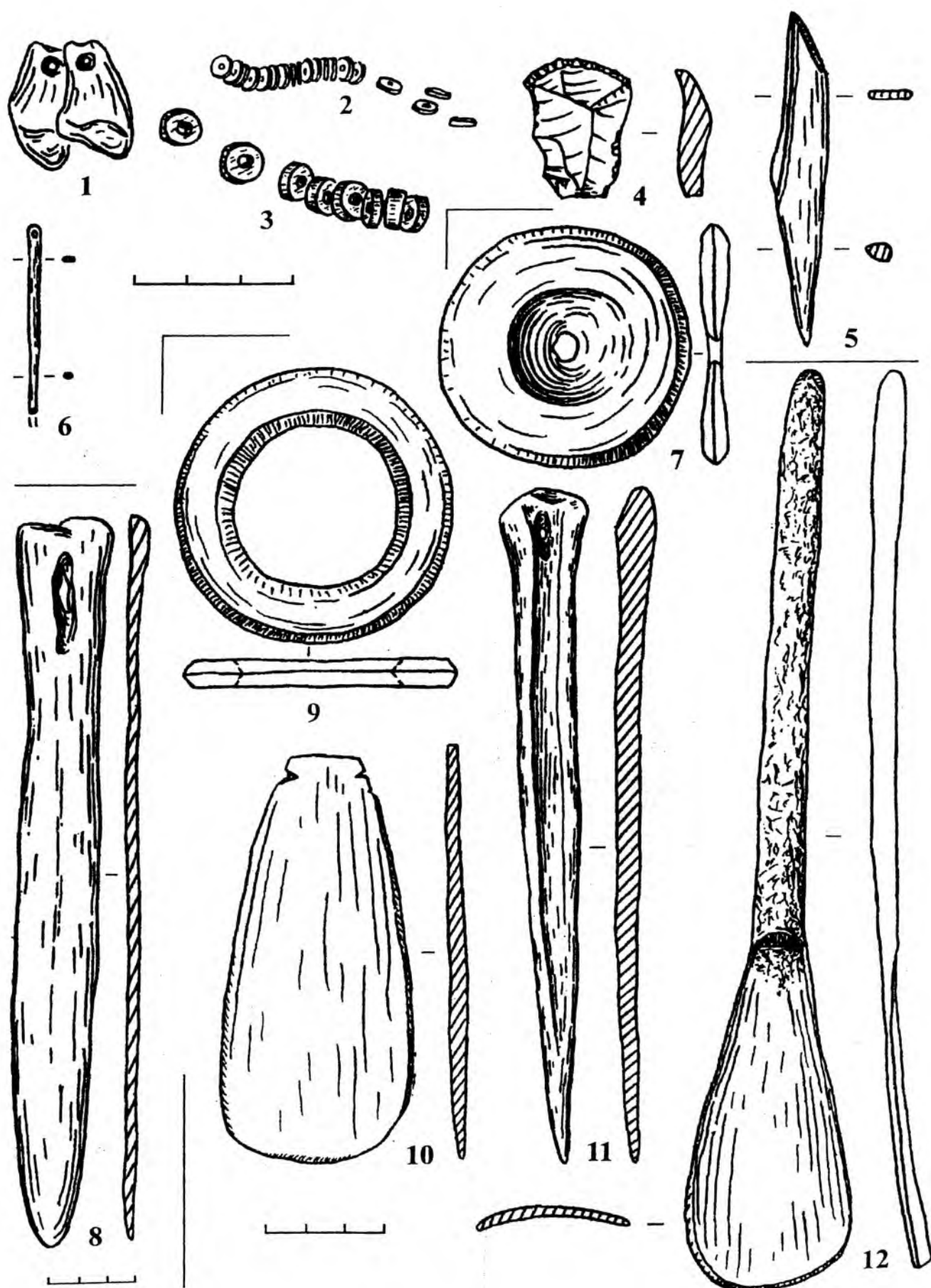

Рис. 18. Могильник Улярба, инвентарь из погребения №13

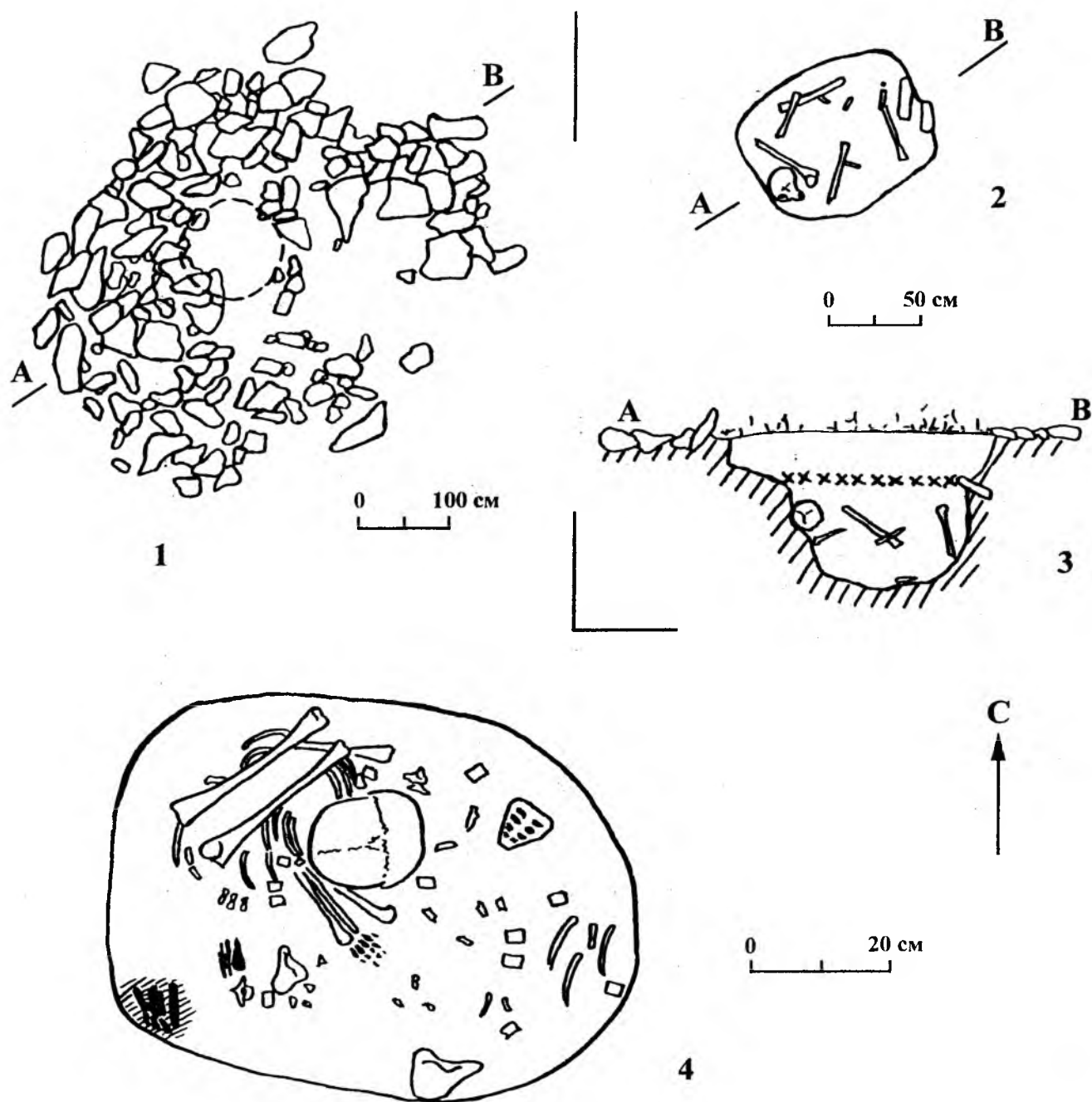

Рис. 19. Могильник Улярба, комплекс погребений с трупом помещением сидя в скорченной позе (шумилихинская группа)

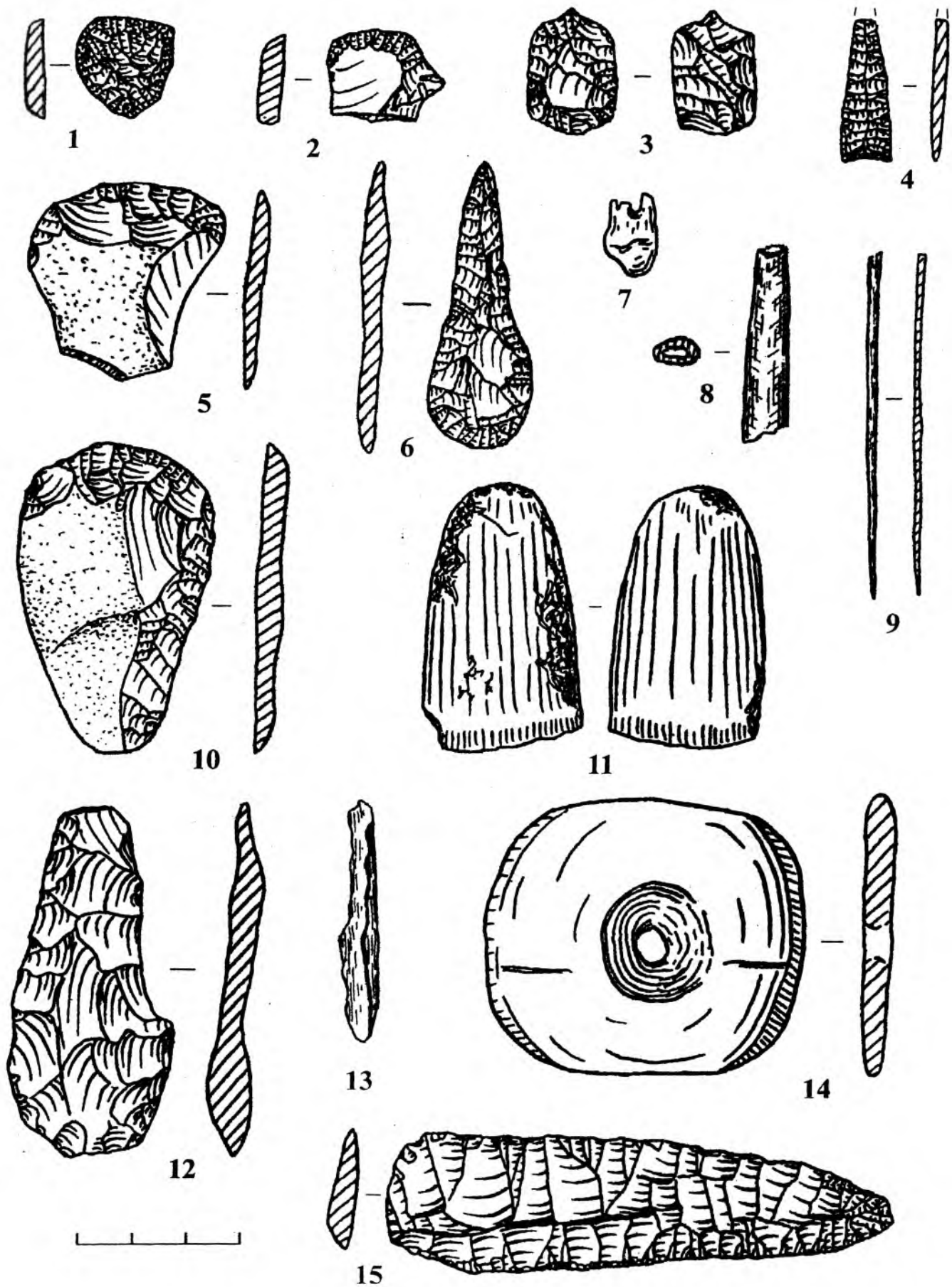

Рис. 20. Могильник Улярба, инвентарь из погребений с трупомещением сидя в скорченной позе (шумилихинская группа)

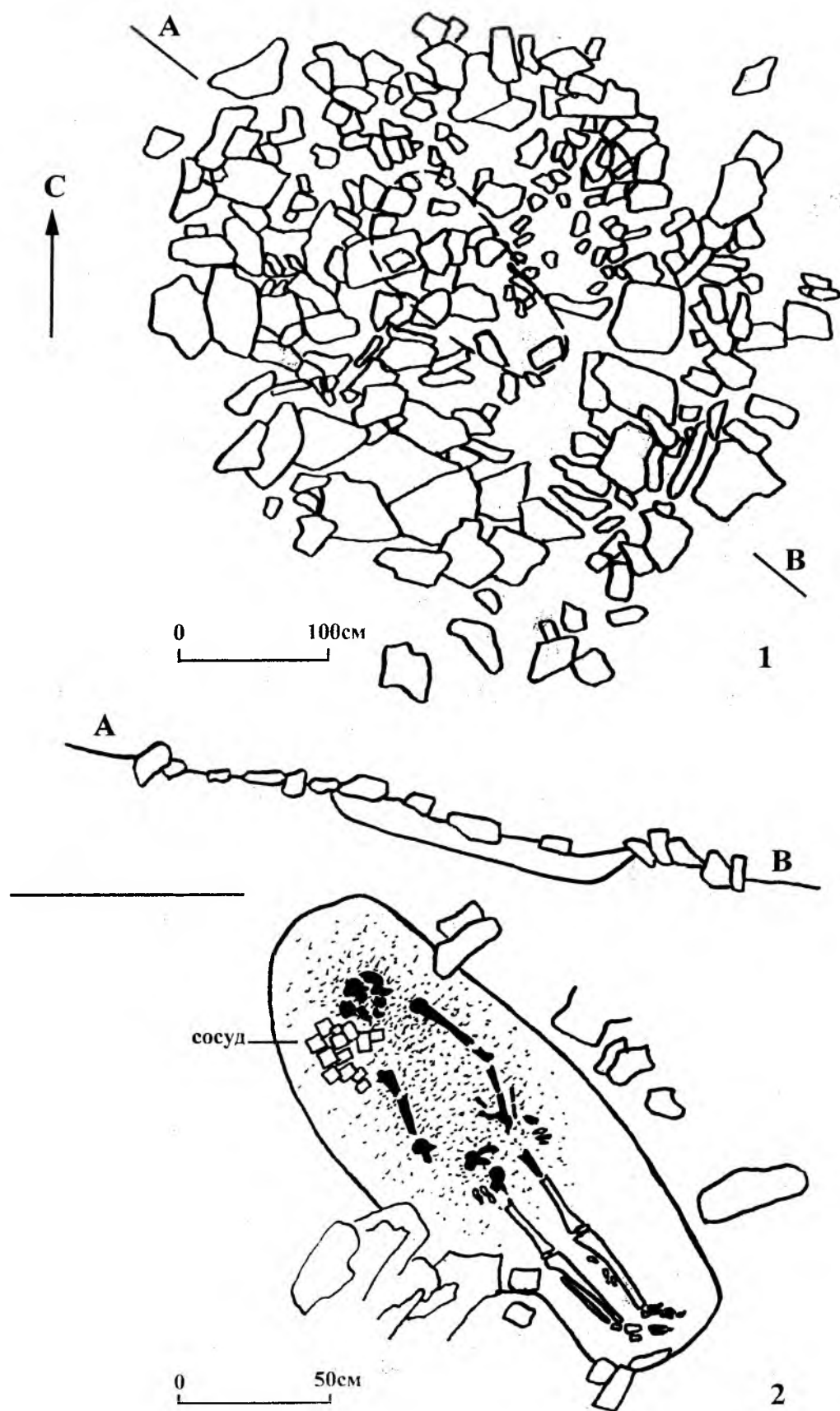

Рис. 21. Могильник Улярба, серовский комплекс погребений

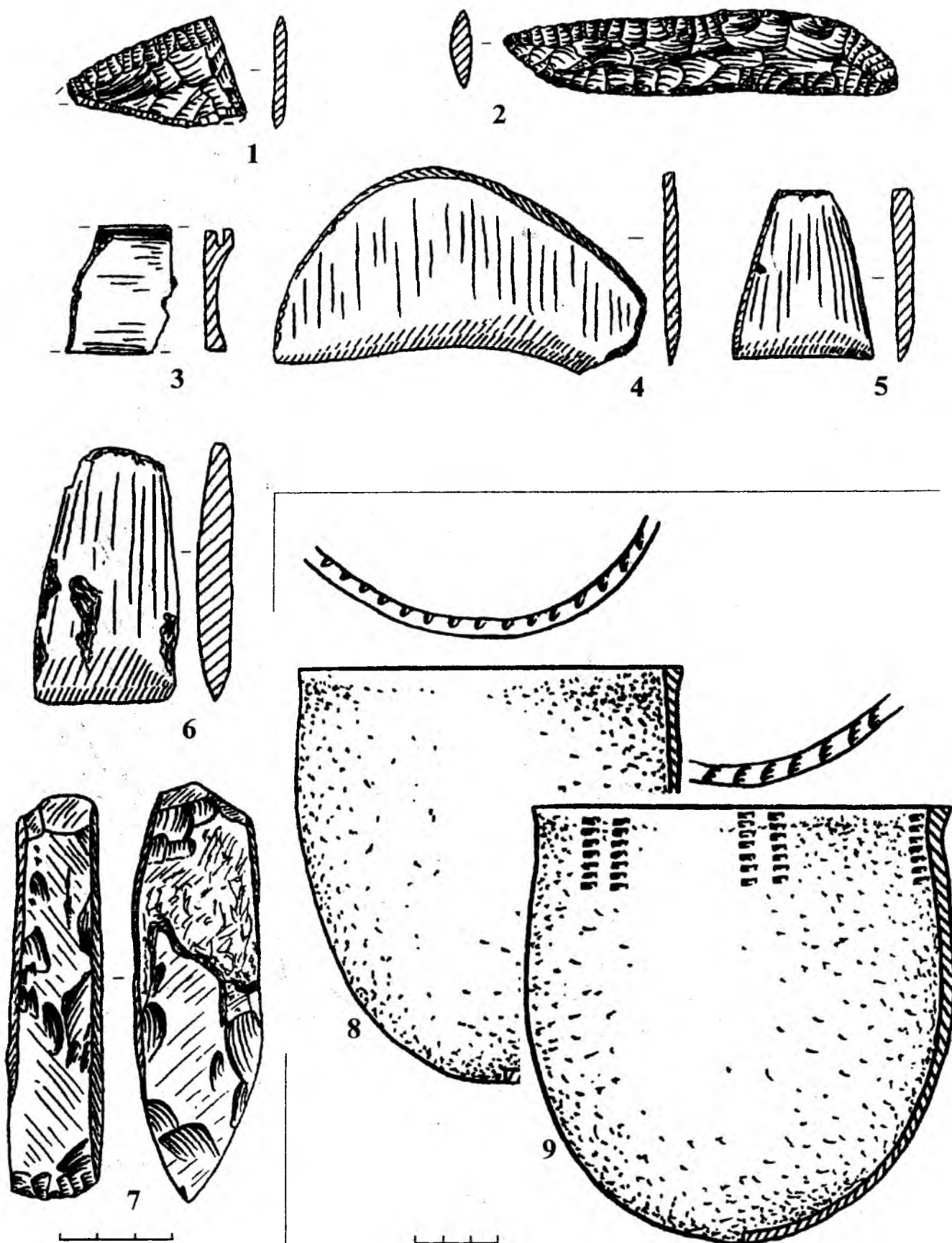

Рис. 22. Могильник Улярба, инвентарь из серовских погребений

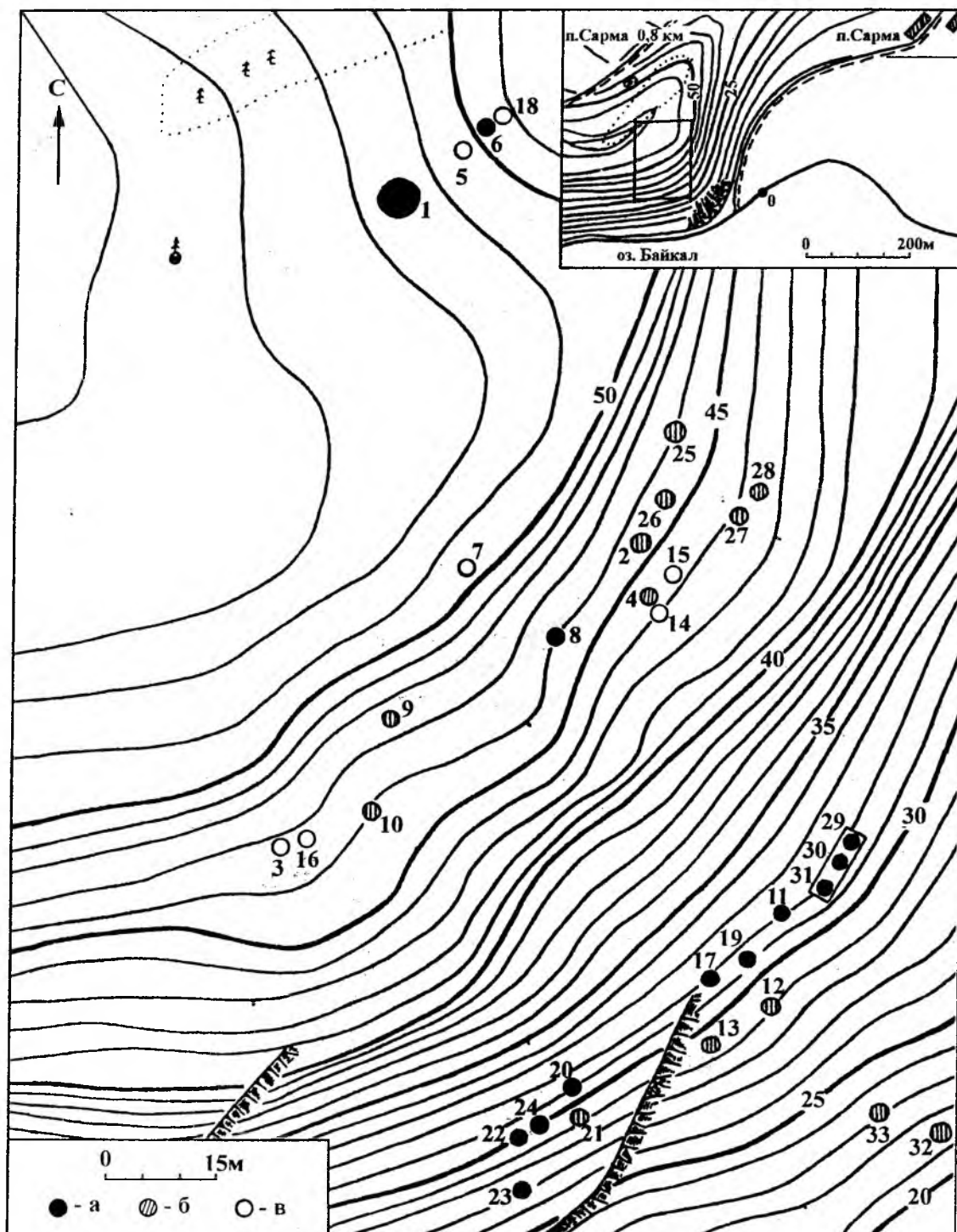

Рис. 23. Ситуационный план могильника Сарминский Мыс:
а - неолитические погребения; б - захоронения
эпохи бронзы; в - ритуальные кладки

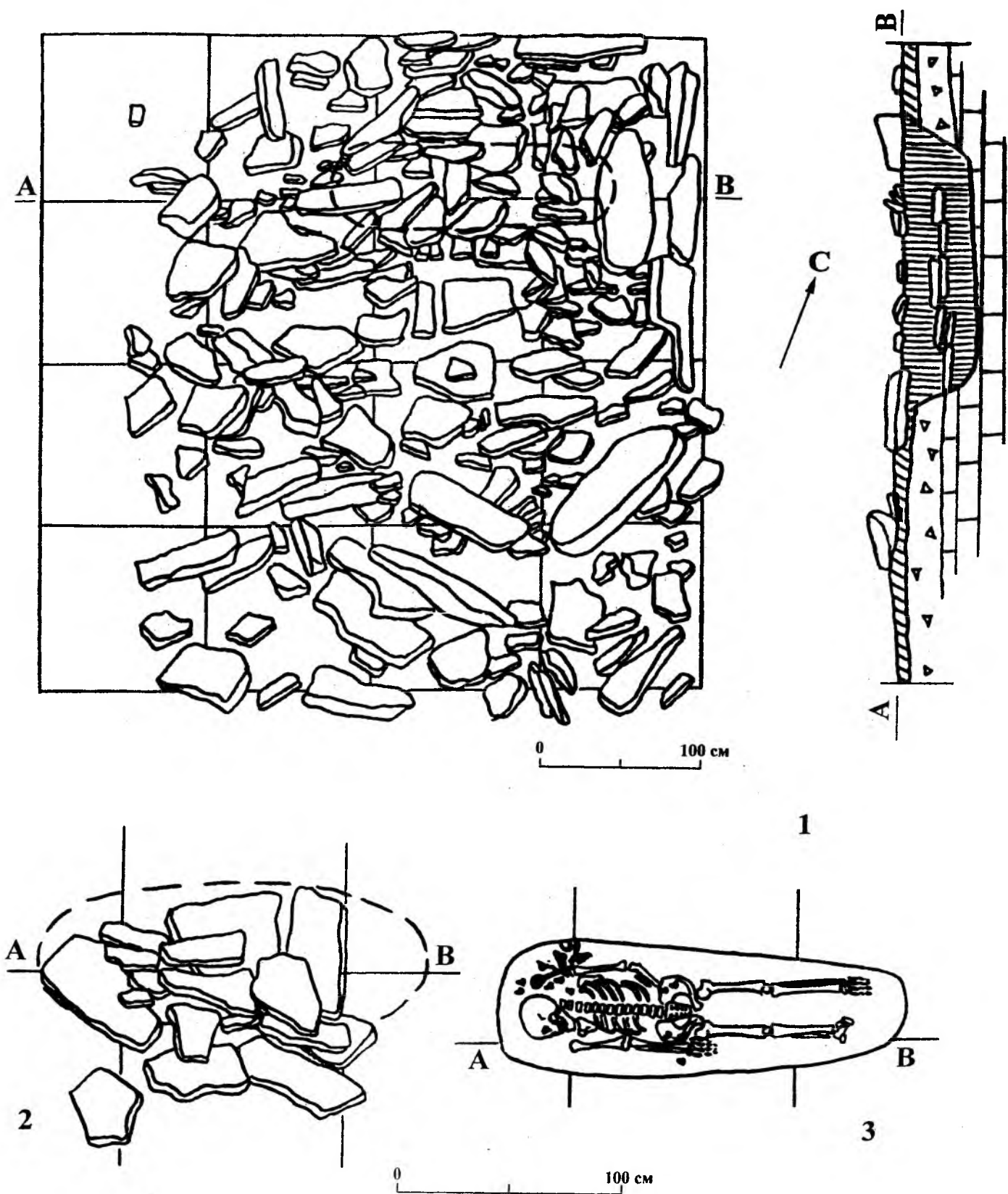

Рис. 24. Сарминский Мыс, позднеглазковский комплекс погребений

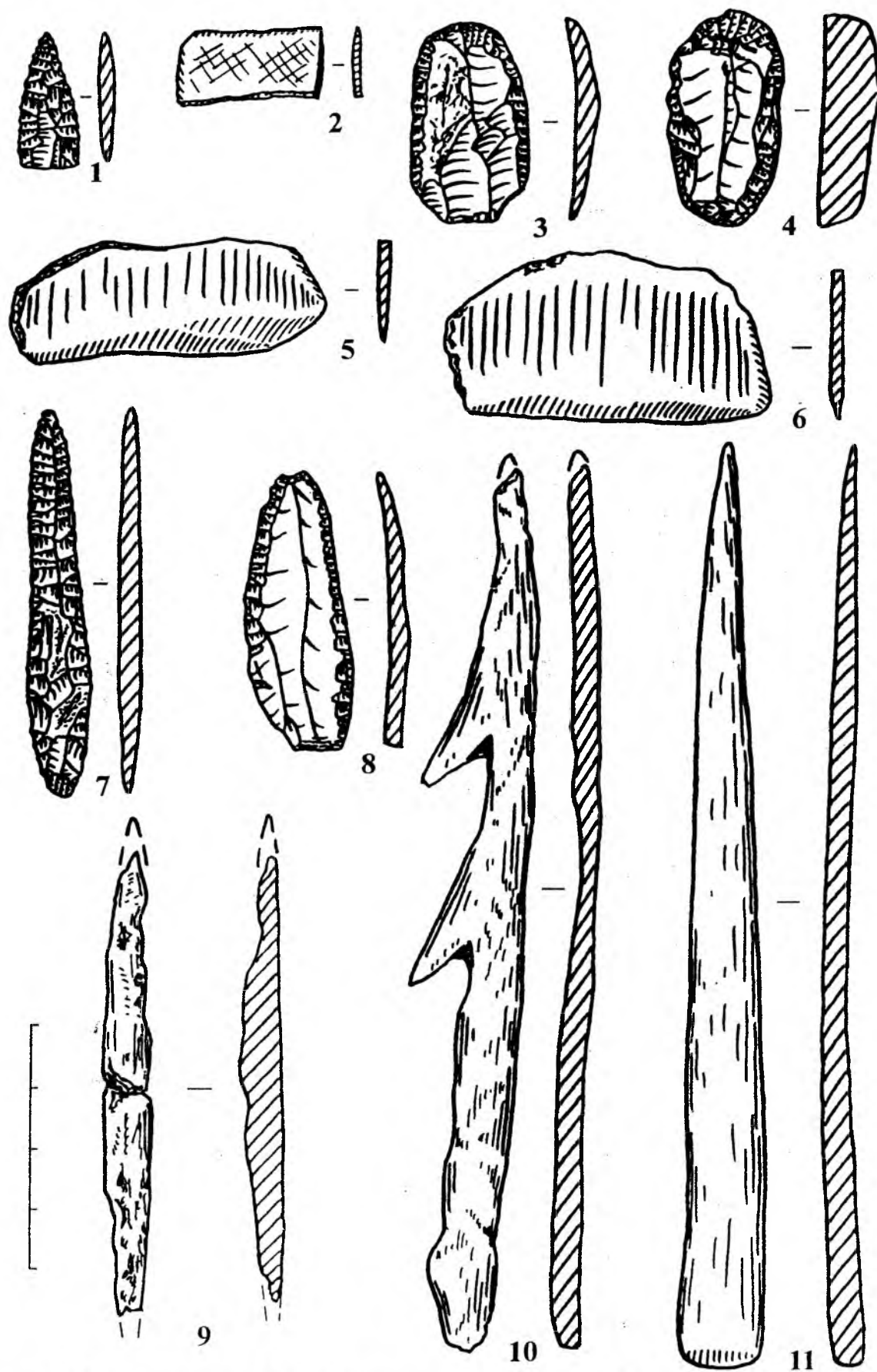

Рис. 25. Сарминский Мыс, инвентарь из позднеглазковских погребений

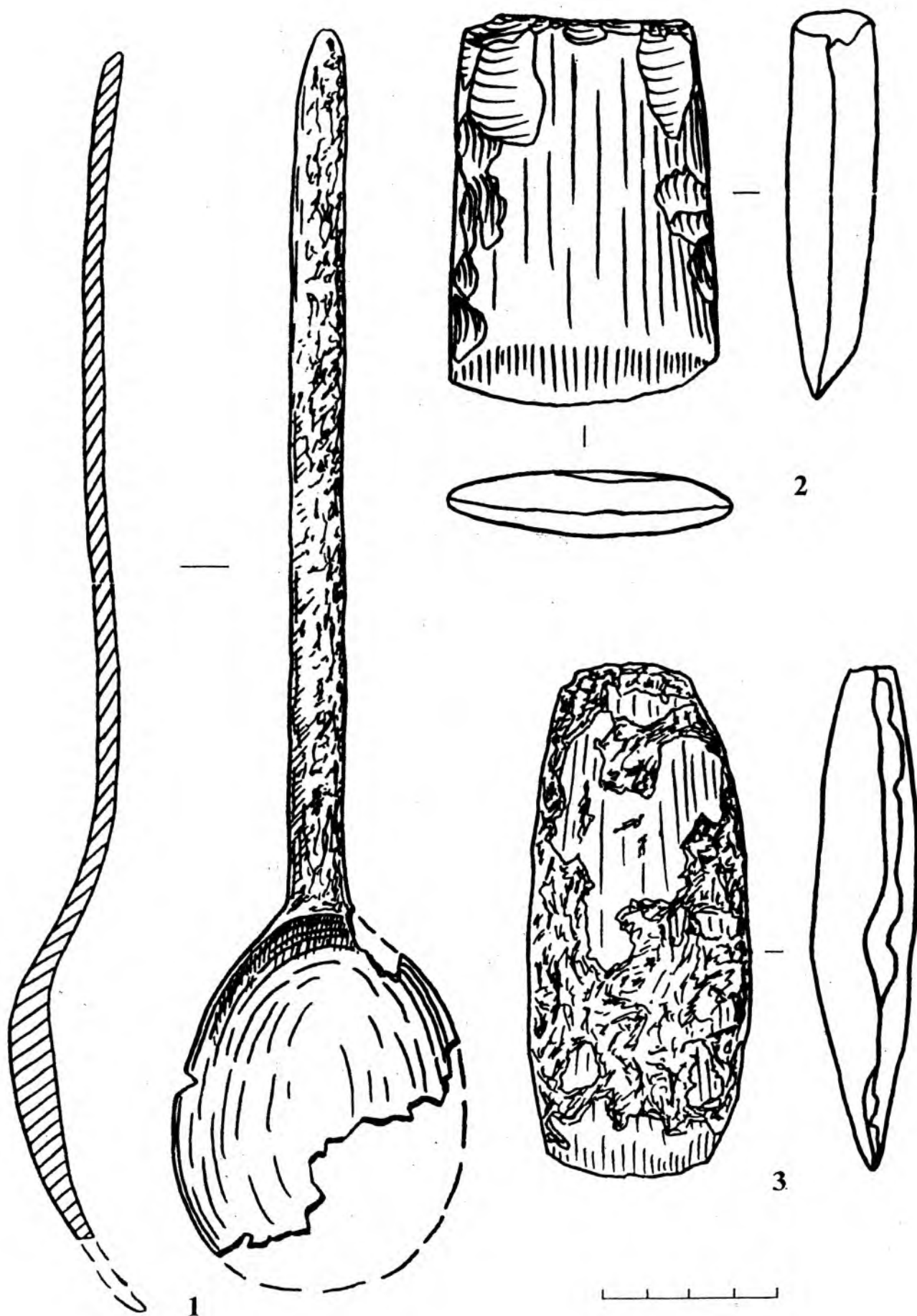

Рис. 26. Сарминский Мыс, инвентарь из позднеглазковских погребений

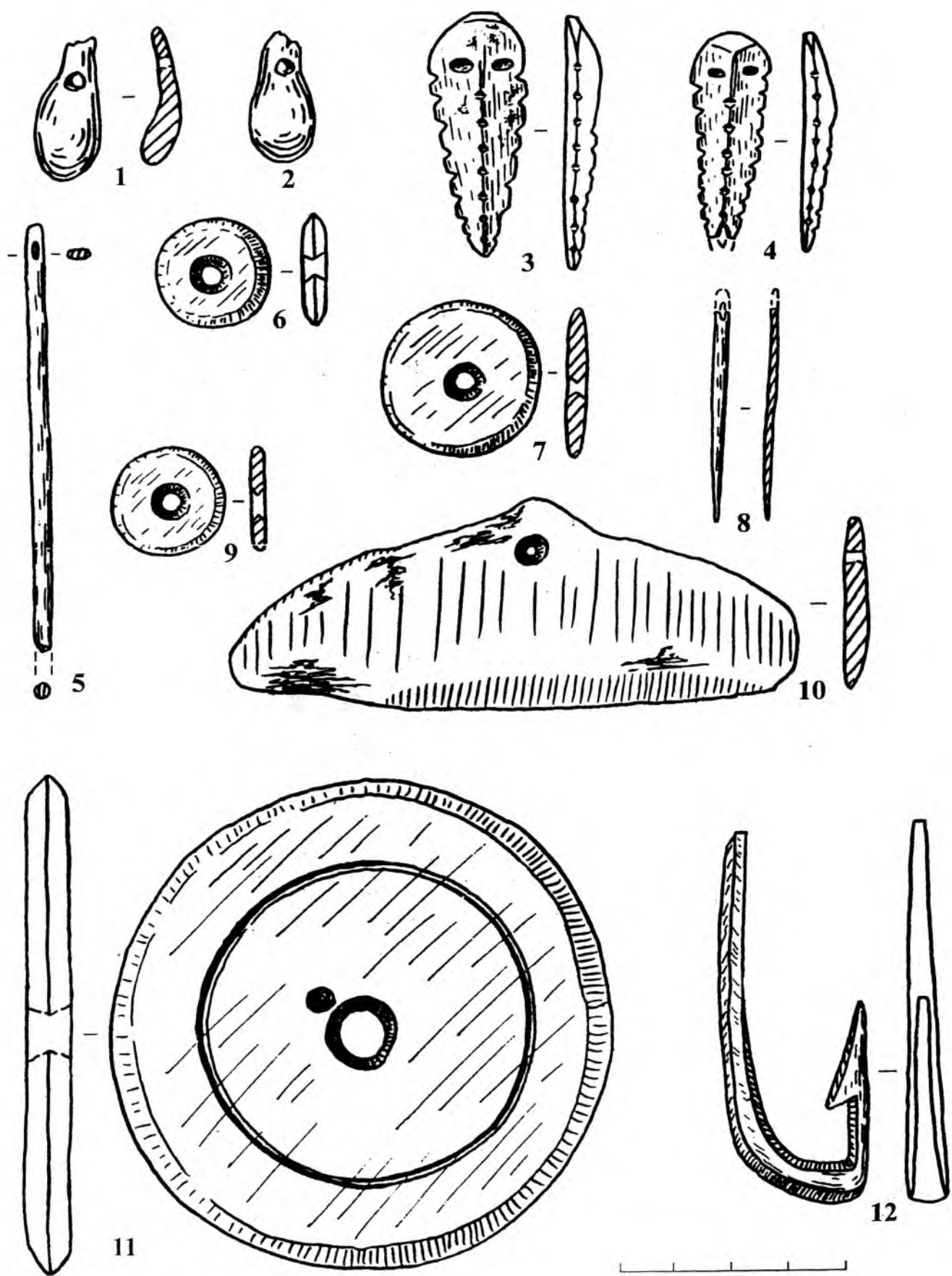

Рис. 27. Сарминский Мыс, инвентарь из позднеглазковских погребений

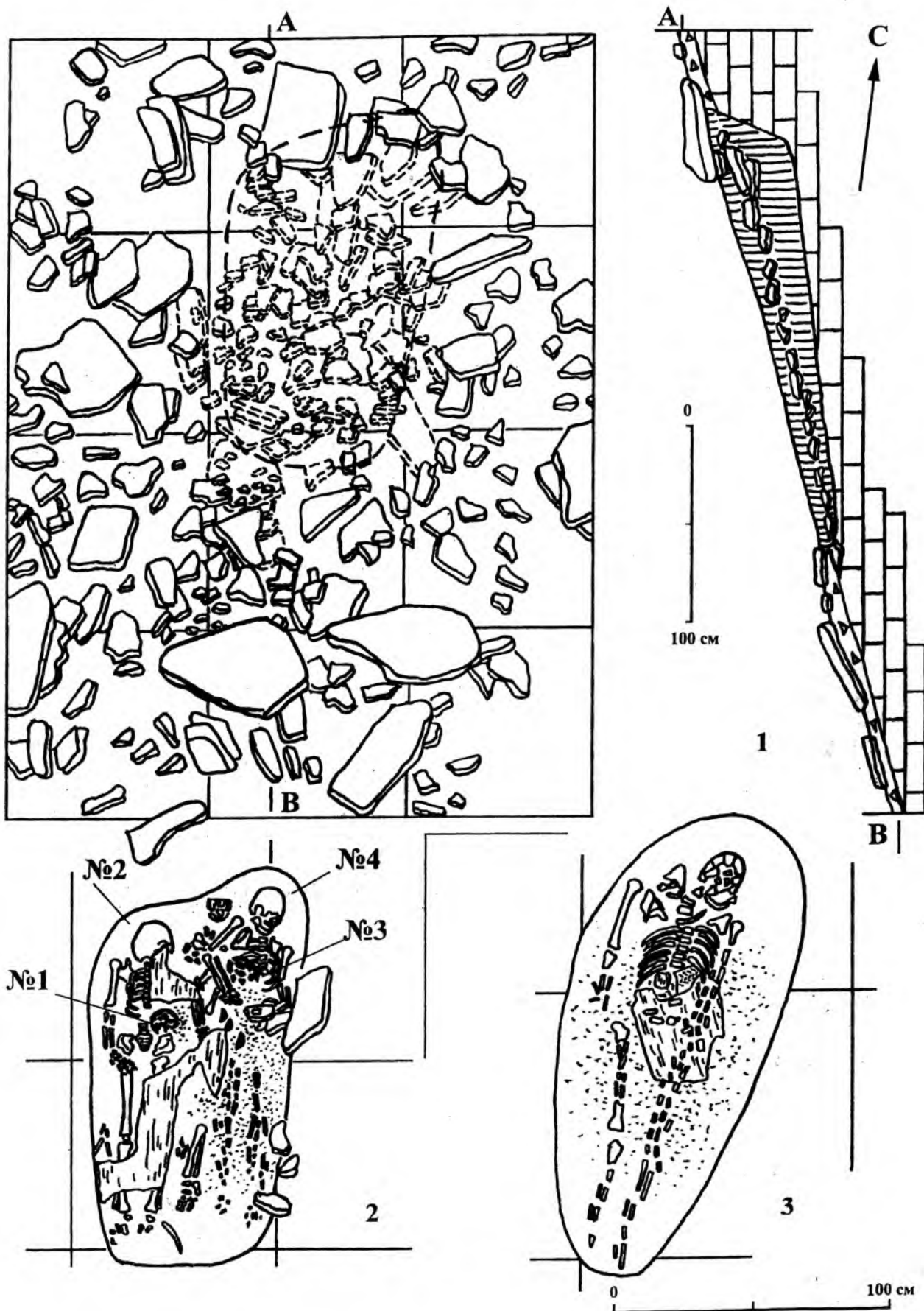

Рис. 28. Сарминский Мыс, серовские погребения

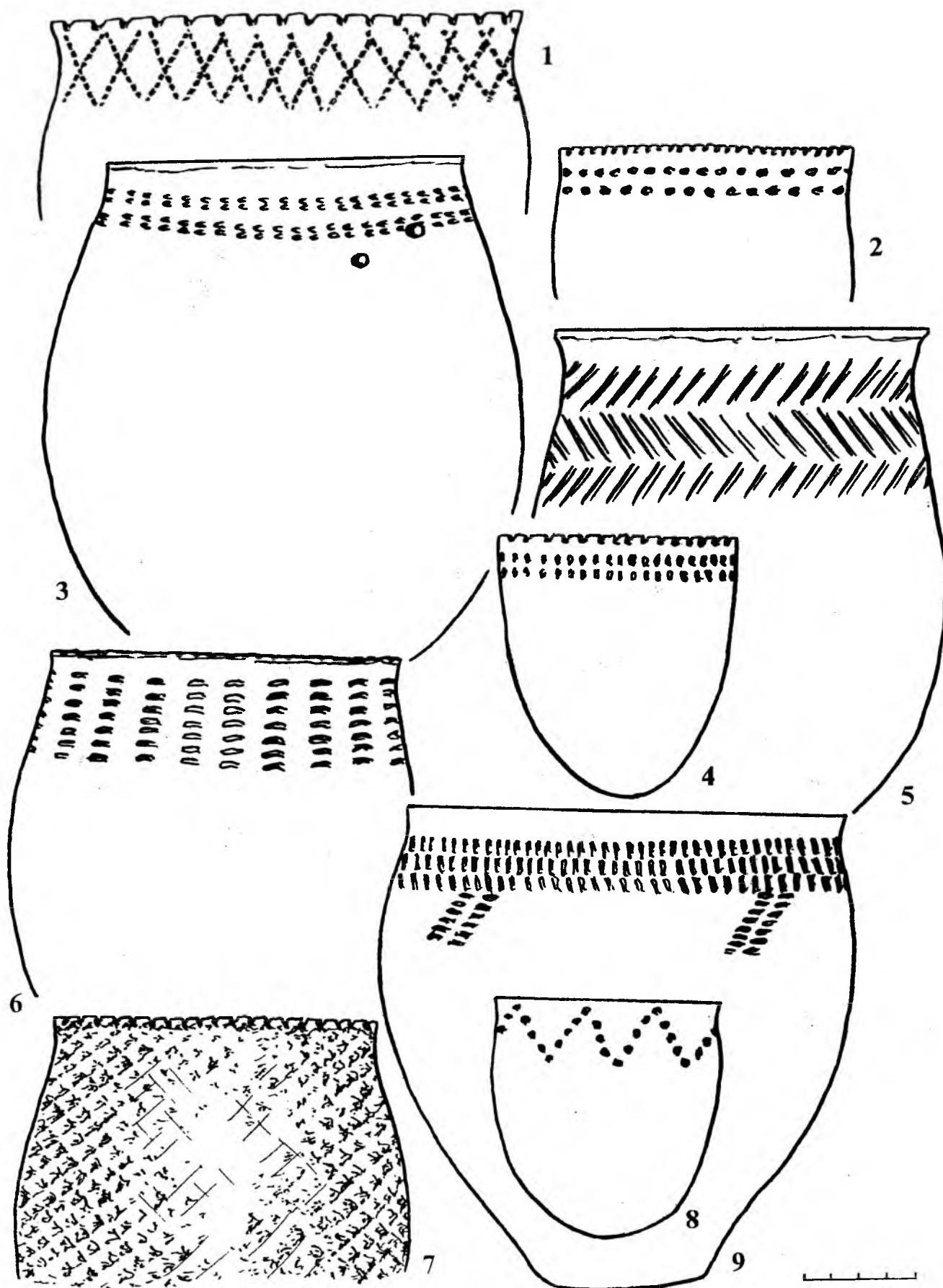

Рис. 29. Сарминский Мыс, керамика из серовских погребений

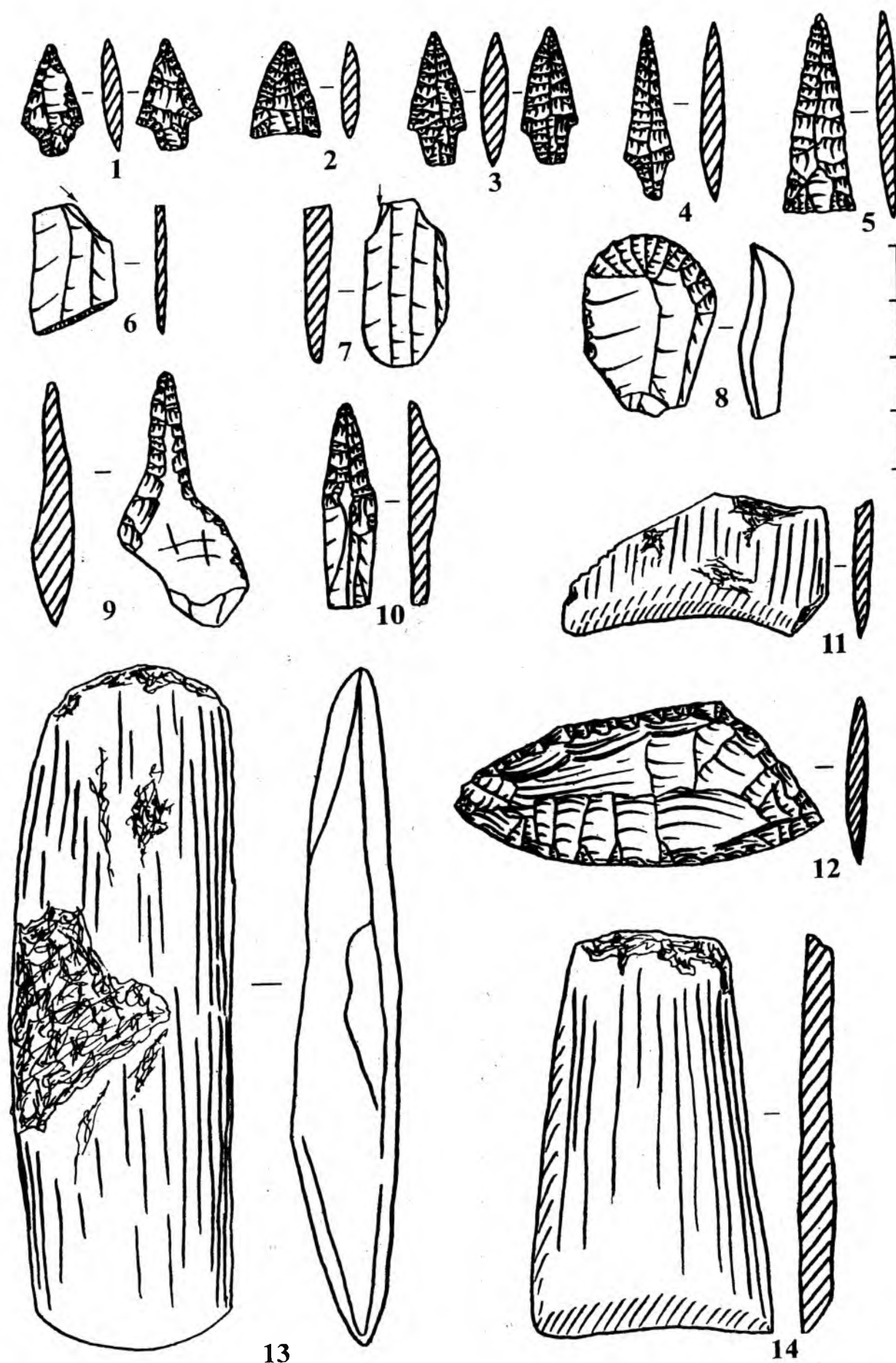

Рис. 30. Сарминский Мыс, инвентарь из серовских погребений

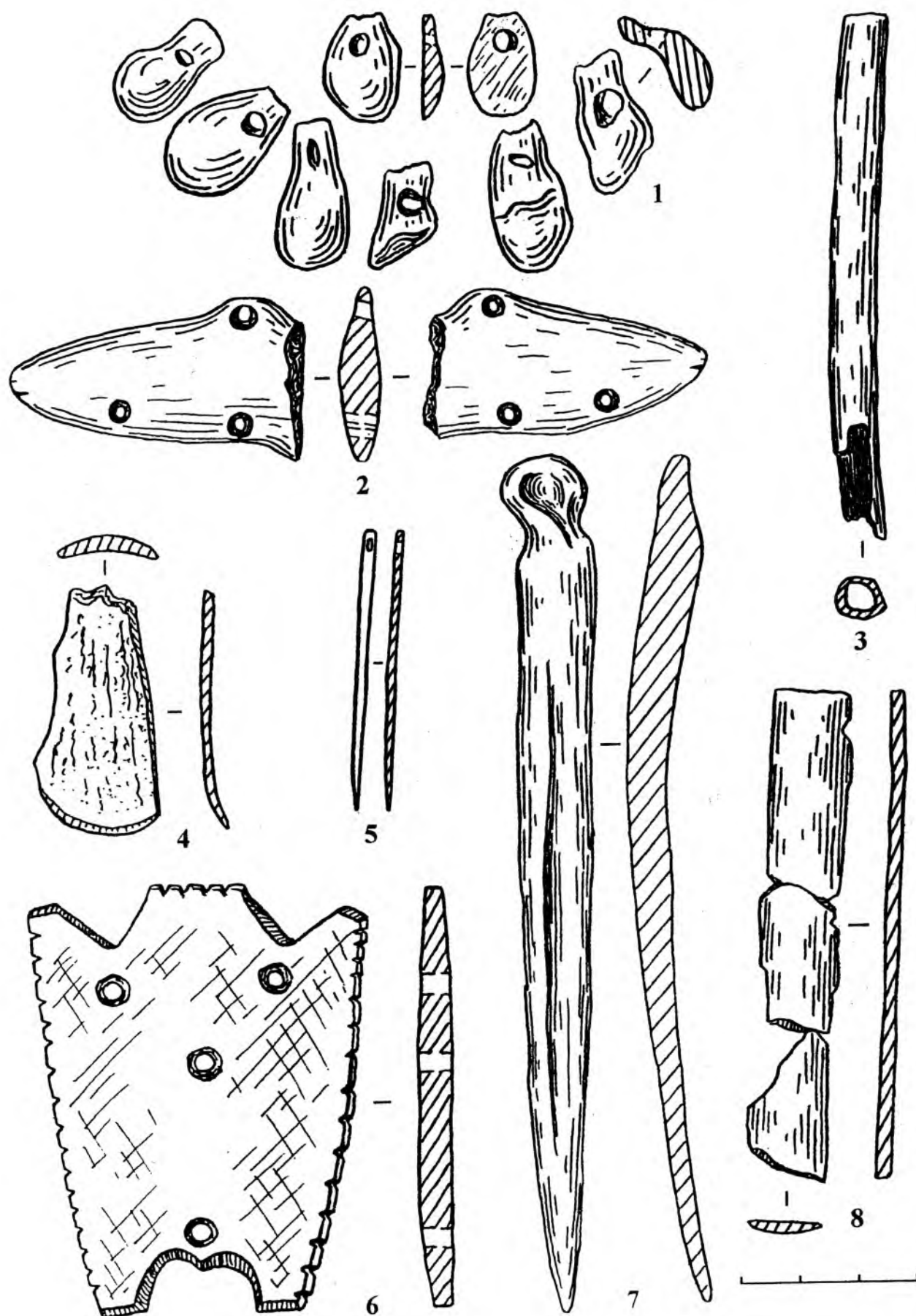

Рис. 31. Сарминский Мыс, изделия из серовских погребений

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Могильник Шумилиха	
1. Общая характеристика	5
2. Комплекс захоронений с трупомещением сидя в скорченной позе (шумилихинская группа)	6
3. Комплекс погребения с труположением на спине, вытянуто и оберткой берестой (мухорская группа)	10
4. Комплекс глазковских погребений	11
5. Комплекс серовского погребения	11
6. Комплекс исаковского погребения	12
7. Комплекс китойских погребений	12
Глава II. Могильник Улярба	
1. Общая характеристика	15
2. Комплекс позднеглазковских захоронений	17
3. Комплекс погребения с труположением на спине с согнутыми ногами и оберткой берестой (мухорская группа)	21
4. Комплекс погребений с трупомещением сидя в скорченной позе (шумилихинская группа)	22
5. Комплекс серовских погребений	23
Глава III. Могильник Сарминский Мыс	
1. Общая характеристика	26
2. Комплекс позднеглазковских захоронений	26
3. Комплекс серовских погребений	29
Заключение	37
Литература	42
Список сокращений	50
Приложение	51

Научное издание

Горюнова Ольга Ивановна
Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век)

Редактор Л.Н. Яковенко

Компьютерный набор и верстка Г.Н. Михнюк
Компьютерная обработка рисунков Е.А. Друлис

ИБ № 1316. Гос. лицензия ЛР № 040250 от 13.08.97 г. Сдано в набор 9.01.2002 г.
Подписано в печать 4.02.2002 г. Формат 60х84 1/8. Печать офсетная и трафаретная.
Бумага мелованная и офсетная. Учет. изд. л. 10,1. Усл. печ. л. 10,2. Усл. кр. от. 10,3
Тираж 200 экз. Заказ № 96.

Государственное предприятие
Издательство Иркутского университета
664000 г.Иркутск, бульвар Гагарина, 20

Отпечатано в Центре оперативной полиграфии и дизайна БИБММ ИГУ.
664003 г.Иркутск, ул. Карла Маркса, 1. Тел.: 334-395